

Ежов Н.В.

Корсар Его Величества

Книга I

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Никита Ежов

Корсар Его Величества. Книга I

«Автор»

2026

Ежов Н. В.

Корсар Его Величества. Книга I / Н. В. Ежов — «Автор», 2026

Вчера он был лейтенантом французского флота, героем битвы и любимцем команды. Сегодня его объявили дезертиром, обворовали и бросили в портовой таверне. Спасение приходит от странного дипломата с лошадиным лицом, который говорит на всех языках и курит глиняную трубку. Цена спасения — служба вчерашнему врагу под мальтийским крестом. Приключенческий роман без «боярщины», попаданчества, ГМО и консервантов для тех, кто соскучился по морским приключениям.

© Ежов Н. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Корсар Его Величества. Книга I

Глава 1

— Бывает... А знаешь, как бывает?

Молодой человек кивнул на кувшин, и собеседник наполнил кружки.

— А бывает и так, что вчера — я офицер флота республики, герой битвы, любимец команды. А почему нет? — Жуткое пойло обожгло горло. — Если бы не я, они бы рыб кормили! Эта мерзкая жаба, де Вурье, в начале боя спрятался вместе с Ордо в каюте. Ордо? Старший помощник. И из всего офицерского состава на палубе стою только я, забрызганный кровью боцмана, и пытаюсь понять, куда он подевался. А знаешь куда? Книппелем[1] снесло! Хороший человек был, упокой Господь его душу...

От непривычно крепкой выпивки на глазах выступили слёзы.

— Так вот, стою я — а в глазах дымка кровавая. Стою, и сквозь гул в ушах слышу: кто-то кричит на меня и трясёт меня за руку. Проморгался и понимаю — стоит передо мной кто-то из матросни и орёт: «Господин офицер, командуйте! Командуйте, Бога ради, а то потопят!». Я и спрашиваю: «Что капитан приказал?», а матрос мне говорит: «Капитан сказал, чтоб мы молились, и убежал». И что мне оставалось делать? Ну я и скомандовал: «Огонь!»...

Повезло мне тогда. Очень повезло. Мы шли в бейдевинд[2], и я не дал команду менять курс. Англичан мы почти не зацепили залпом. Они думали, мы в бой ввяжемся, а я даже курс менять не стал. И пока они разворачивались, я уже успел прийти в себя.

Знаешь, что такое наш флот? Это сброд неудачников. Сброд тех, кто не смог получить офицерский чин в армии. Стать морским офицером куда проще и дешевле. Хотя продвижение... Да всё то же, что и везде. Да, наливай.

Де Вурье, будь он проклят, получил должность капитана только потому, что его папа в очень хороших отношениях с контр-адмиралом Линуа. А Ордо... а этот идиот Ордо стал старшим помощником только благодаря своей слишком близкой дружбе с де Вурье. Да, ты правильно понял. На корабле, знаешь ли, не укроешься.

Я? Я младший сын. Не второй, даже не третий. Младший. Я мечтал о славе и подвигах. Я изучал мореходство, навигацию. Я думал, что смогу высоко взлететь на флоте. Долетался...

Мы не смогли оторваться от англичан. Их фрегат оказался быстрее, да и паруса с такелажем[3] нам посекло. Когда их носовые орудия начали дырявить нам корму, я решил рискнуть. Мне нужно было лишить их скорости. Книппеля это, конечно, хорошо, но пробоина и течь замедлили бы их куда сильнее, а может и заставили бы выйти из боя. Я приказал целиться в ватерлинию и ждать приказа. Матросы не подвели, и поворот оверштаг[4] выполнили прекрасно. Знаешь, когда я скомандовал залп, я молился хоть о небольшой пробоине у англичан. Налей.

Когда спустя пару мгновений после залпа у их фрегата взорвался пороховой погреб, я просто оцепенел. Я ожидал чего угодно. Я ждал, что мои канониры промахнутся. Что выстрелят раньше или позже. Даже того, что ядра отскочат обратно от этих богомерзких протестантов. Но я никак не ожидал того, что нос фрегата просто исчезнет. Ты представляешь? Треть корабля просто разлетелась над морем облаком щепок.

Мы не подбирали их матросов и их груз. Я просто приказал взять курс галфвинд[5] и ушли оттуда. Потом матросы качали меня на руках. Де Вурье, этот жирный ублюдок, всячески меня нахваливал, благодарил и пожимал руку. Говорил, что поручится за меня и мне дадут свой корабль. Потом мы встали здесь на рейд, нужно было пополнить запасы воды, и капитан устроил пирушку у себя в каюте по случаю победы. А потом я просыпаюсь в этой поганой таверне, в этой Богом забытой дыре — без мундира, без шпаги, даже без денег! Меня опоили

и выбросили на берег! И всё, что у меня есть теперь — это моя одежда и немного наличных. Знаешь, что мы сейчас пропиваем? Перстень моего деда! Эй ты!.. Спишь, что ли?

Собеседник неудачливого лейтенанта уже давно положил голову на стол и мирно посапывал под гомон в таверне.

Француз вздохнул, глядя то на уснувшего пьянчугу, то на миловидную девушку, которая подошла к очередному столу и привычно увернулась от шлепка.

— *Хотите что-нибудь ещё?* - Симпатичная служанка забрала пустой кувшин. - *Ой, старый Мигель опять напился и уснул. Он всегда так делает, не обижайтесь на него. Вам принести ещё кувшин?*

— *Нет, не стоит,* — ответил вместо бывшего лейтенанта высокий мужчина. Он встал из-за столика в углу зала. — *Принесите чего-нибудь съестного. И поприличнее.*

Незнакомец схватил и аккуратно пересадил на своё место спящего Мигеля.

— Я так понимаю, вы Жак Вандом, лейтенант французского флота? — Не дожидаясь ответа, незнакомец взял у Жака из руки кружку и вылил ром на пол. — Со вчерашнего утра вас объявили в розыск как дезертира. Заявление написал Пьер де Вурье, капитан фрегата «Блонди».

Жак посмотрел на собеседника пьяными глазами. Высокий, худой как щепка. Длинные светлые волосы – тонкие и светлые настолько, что кажутся скорее нитями паутины. При этом для седины явно рано – собеседнику на вид не больше двадцати пяти. Огромные светло-голубые глаза смотрели на Жака из-под выпирающих кустистых бровей. Высокий, прямой лоб и рельефный подбородок, впалые щёки и висящие пряди светлых волос визуально удлинляли лицо незнакомца.

Будь Жак трезв, он, может, и вспомнил бы о приличиях. — Я тебя не знаю, — Жак посмотрел на разлитый по полу ром. — Но у тебя лошадиное лицо.

Незнакомец поджал тонкие блёклые губы. Большие голубые глаза, которые Жаку сначала показались добрыми, резко напомнили две ледяные глыбы. После секундного молчания незнакомец жёстко усмехнулся.

— А у тебя лицо висельника и дезертира.

— Дезе... Почему?.. — до Жака начало доходить. — Вурье, сука! Незнакомец улыбнулся.

— Так чьему лицу не повезло меньше, висельник?

Выглядел молодой лейтенант чуть младше своего возраста. Бледный, осунувшийся, с распёканными черными волосами и расфокусированным пьяным взглядом, он напоминал скорее потерянного мальчишку, чем героя битвы. А сейчас он и вовсе стал белее собственной рубахи.

— Попробуешь встать – пристрелю, — с той же холодной улыбкой проговорил человек с лошадиным лицом. Под столом раздался характерный щелчок курка.

Из кухни вышла служанка с грубым дощатым подносом. Сгрузив на стол крупный горшок с фабадой, две тарелки и кувшин с молодым вином, девчушка уже хотела уйти, но «лошадиное лицо» схватил её за руку.

— *Принеси мне пирог, красавица,* — обратился беловолосый на испанском с лёгким акцентом, и положил служанке в ладонь пару мелких монет. — *Самый свежий.*

Девушка тут же заулыбалась и побежала на кухню.

— Наливай и ешь, висельник, — настроение незнакомца явно улучшилось.

— Что вы хотите от меня? — Жак пытался понять, как можно сбежать от этого человека. Если облить его горячим супом, есть шанс. — Сдать властям?

— *Nu I dyrak zhe, prosti menya Gospodi...* — «лошадиное лицо» не наливал фабаду в тарелку – видимо, чтобы не выпускать пистолет под столом из руки. — Нужны мне эти власти, как Папа протестантам. Стал бы я тебя кормить? Ешь давай. Не дело это, на пустой желудок о деле говорить. Не принято у нас так. *Ne ro pravoslavnomu eto.*

Жак накинулся на фасолевый суп. Горячий, пряный, он только усугублял опьянение.

Девушка принесла тонкий пирог. Её манящие улыбки, весь вечер летавшие в сторону Жака, резко сменили адресата. «Ну, конечно. У него и деньги, и одет он приличнее, и вообще весь из себя загадочный – на испанском говорит, на французском говорит, ещё на каком-то тарабарит».

— А вы, собственно, кто?

Беловолосый чуть улыбнулся.

— С этого вопроса и надо было начинать. А то «лицо лошадиное», понимаете ли, — незнакомец поднял руки из-за стола и бросил на стол какую-то железку, оказавшуюся сломанным замком от кремнёвого пистолета. — Меня зовут Ян Брарен. У меня к вам есть предложение, от которого вы вряд ли захотите отказаться. Да и не сможете в вашем нынешнем положении.

Ян отрезал от пирога изрядный кусок, налил себе в тарелку фасолевого супа и, к удивлению Жака, принялся закусывать суп пирогом.

— Странно в Таррагоне встретить эмпанату. Это всё же галисийский пирог, а не каталонский.

Брарен неспешно ел. Алкоголь постепенно отпускал Жака, и смытая опьянением горечь предательства возвращалась, приправленная тоской, отчаянием и тупой головной болью.

— *Orophmelis*’.

— Что?

— Вина выпей, говорю, — Брарен отложи пустую тарелку, и налил вина себе и Жаку. — Полегче станет.

После пары глотков голову вроде немного отпустило. «Лошадиное лицо» неспешно набивал трубку. Глиняную, с небольшой «пяточкой» под чашей.

— Итак, мсье Жак Вандом. Лейтенант французского флота, дезертир...

— Я не дезертир!

— Не ори, — Ян прикурил трубку от лучины, стоящей на столе. — Заявление подано. Любой местный служака с радостью повяжет тебя и отправит на виселицу, чтобы выслужиться перед начальством.

— А если я докажу, что я не дезертир?

— Не докажешь, — под потолок ушла струя ароматного дыма. — Луи де Вурье, отец капитана Пьера де Вурье, имеет неплохие связи в штабе флота. Не думаю, что его патрон, Линуа, будет слушать какого-то лейтенанта. А с учётом твоего происхождения – тем более.

Жак устался в стол.

— Но это не главное, — Ян снова выпустил струю дыма. — Ты не доберёшься ни до Линуа, ни до первого консула, который может, и смог бы тебе помочь. Как я уже сказал, тебя повесит первый же представитель власти. Ну, или отправит во Францию, и повесят уже там – так хоть помрёшь не на чужбине.

— И что мне делать?

— Ну, от главной приметы ты уже избавился, — на вопрошающий взгляд беловолосый хмыкнул. — Ты заложил дедов перстень. Если бы ты ещё догадался сменить форму морского офицера на что-то местное, то, может, и смог бы уйти куда-нибудь, найти себе молодую вдову и выбрать новое имя. Нравится?

— Не очень, — Жак долил остатки себе остатки вина, но Ян резким движением выхватил стакан.

— Не увлекайся. Мне нужно, чтобы ты соображал.

— Зачем?

Трубка в руках Брарена погасла, и он начал молча её вычищать. Жак уже был готов наорать на наглого блондина, но тот поднял свои огромные голубые глаза и улыбнулся.

— Как я уже говорил, у меня есть предложение. Ты будешь жить. Я спасу тебя от виселицы. Скажу больше – ты вернёшься на палубу.

— Матросом?

— Нет. Офицером. Каким именно – будет зависеть от твоих навыков.

Жак призадумался: «Если офицер, то явно не торговец. На испанца непохож. Англичанин?»

— Я не буду воевать против республики и первого консула.

— Ни в коем случае. Я слышал о том, как фрегат «Блонди» пустил ко дну английский корабль. Ты весьма неплохо умеешь топить этих островитян – а именно это нам и нужно.

— Нам – это кому?

Ян покачал головой.

— Нет. Если я скажу тебе правду, то в случае отказа мне придётся тебя убить. Это не составит труда – но тогда мне будет сложнее покинуть город.

— Вы предлагаете мне кота в мешке.

— Я предлагаю тебе жизнь. Я предлагаю тебе возможность топить врагов республики. Я предлагаю тебе шанс проявить себя, и если ты сможешь доказать свою пользу – то, возможно, новые перспективы. Дворянство, которое потерял твой род – но в другой стране. А если захочешь – то амнистию и возвращение во Францию. Не хочешь – выбирайся сам, жизнь в твоих руках.

Жак вздохнул. Головная боль постепенно возвращалась.

— Дай мне слово, что мы не будем воевать против Франции.

— Даю слово, что, если вдруг мы начнём войну с Францией, тебя никто не заставит воевать против своей родины, и при желании отпустят на все четыре стороны.

— Хорошо. Я согласен. Но мне бы поспать...

— Отоспишься на борту. Пошли!

Сунув в карман тёмно-синего сюртука сломанный ружейный замок, Ян легко поднялся из-за стола. Рассчитавшись с подошедшей служанкой, Брарен прошептал ей что-то на ухо, отчего девушка зарделась румянцем, ущипнул её ниже талии и пообещал обязательно заглянуть в следующий раз. Тем не менее интерес в глазах «наивной служанки» потух – клиент уходил, и денег больше не будет.

Чуть пошатываясь, Ян приобнял на плечо Жака. Хватка худой руки оказалась крепка, как стальные оковы.

— Пошли.

Поздний сентябрьский вечер обдувал тёплым солёным воздухом с моря. Отойдя на несколько шагов от таверны, Брарен отпустил Жака.

— Пока не окажемся на корабле, делай всё, что я говорю. Иначе я сам тебя сдам местным. Пошли!

Они шли какими-то улочками. Местные не обращали внимания на двух мужчин, идущих по своим делам. Жак думал, что всё это – странный, глупый сон. Что сейчас он проснётся на своей койке в кают-компании на «Блонди», выслушает тупого ублюдка Вурье и заступит на вахту. Но с каждым шагом головная боль и тошнота напоминали о суровой реальности.

Беловолосый то шёл медленно, словно на прогулке, то начинал нестись на своих длинных, будто ходули, ногах. Уже подходя к пирсу, он заглянул за угол, что-то пробормотал на неизвестном языке, развернулся и неожиданно врезал Жаку. Губа лопнула, потекла кровь.

— Молчи. Просто молчи и не мешай мне! — прошепел Ян, связывая руки француза.

Жак, с гудящей головой пытался взбрыкнуть, но получил ещё один удар и затих. Сквозь круги в глазах он увидел двух стражников.

— *Что здесь происходит?!* — Один из стражников взял мушкет на изготовку. — *Руки к небу!*

— *Я Жан дю Браре, офицер флота Республики!* — Ян вышел вперёд. — *Веду дезертира на корабль.*

Стражники внимательно осмотрели Яна.

— *Это который с «Блонди» сбежал?* — Солдат сплюнул под ноги. — *Нет бы на месте повесить или пристрелить – вы его ещё во Францию повезёте. Вам делать нечего, господин офицер?*

— *Закон Республики един для всех. Мы не англичане, которые творят всё, что пожелают.*

Стражники поморщились.

— *Доброго вечера, господин офицер.*

— Пошли, предатель! — Верёвка больно дёрнула за запястья, и Жак чуть не упал на мостовую. — Шевелись!

Жак с ужасом видел, как Ян ведёт его к стоящему вдалеке куттеру[6], на мачте которого развевался французский триколор. Но когда стражники свернули в проулок, Брарен развернулся и быстрым шагом пошёл по одному из пирсов.

На воде покачивалась шлюпка. Простая корабельная шлюпка, из которой на Яна смотрели какие-то светловолосые парни. Будь Жак чуть трезвее, он бы заметил, что ожидающие не похожи на французов.

Подойдя к шлюпке, Ян бросил пару слов гребцам. Те поворчали, но бережно приняли Жака. Под плеск вёсел лодка медленно двинулась куда-то в бухту.

— Прости за удар, — Ян быстро развязал верёвки на руках у Жана. — Будь ты цел, они бы в жизни не поверили, что ты мой пленник.

— Можно было бы и полегче. Или придумать что-то ещё.

— Нельзя. Утром они доложат, что французский офицер поймал дезертира, — Ян полез куда-то в карман. Жак растирал затёкшие запястья. — То, что тебя поймали, внесут в вахтовый журнал. Никто не будет тебя искать, считая, что ты уже болтаешься на ноке рея[7]. Так надёжнее и проще.

Достав какой-то свёрток, Ян улыбнулся и протянул его французу.

— А ещё никто не будет искать тебя у ростовщиков. И никто не спросит у них, кто и зачем выкупил перстень, который ты сегодня заложил.

Жак тут же расхотел огреть этого умника веслом. В тряпицу был завернут дедов перстень, с гербом Бастардов де Вандом и мальтийскими крестами. Единственная памятная вещь, доставшаяся ему от деда и прадеда. Жак трясущимися руками надел перстень на привычное место, и даже почти улыбнулся.

Лодка тем временем подошла к кургузому бригу[8]. С борта сбросили штормтрап[9], и Жак поднялся на борт.

— Я думал ты задержался из-за девки, — на палубе стоял здоровенный мужик, отдалённо напоминающий Яна. — Этот мальчишка, конечно, смазлив – но ты же вроде не из этих... Ян рассмеялся.

— Этот пошляк и грубиян – мой кузен Эйтель Брарен. Эйтель, это – Жак Вандом, который на днях потопил британца на полпути до Порт-Магона.

Насмешка здоровяка сменилась на оценивающий взгляд.

— А чего морда помятая?

— Уходили от стражи. Парня подставили и объявили в розыск как дезертира.

— И куда мне его девать?

— Никуда, — Ян улыбнулся. — Он присоединится к нашему делу.

— К твоему делу. Я только помогаю тебе. И только потому, что мы родня, — огромный бугай сплюнул за борт. — К вашей политике я никакого отношения не имею!

— Эйтель, не ври себе и людям, — Ян улыбнулся. — Ты помогаешь мне только потому, что я тебе плачу. И только то, что я твой кузен, не позволяет тебе сбежать с моим золотом. А лучшего контрабандиста, чем ты, я не видел от Финского залива до Босфора. Так что просто доставь нас на место, и после этого ты забудешь меня как...

Разговор кузенов прервал булькающий звук. Ром, молодое вино и фасолевый суп извергались из Жака Вандома за борт.

— Утром я заставлю его отдраивать борт, — процедил Эйтель. — А сейчас уведи его с глаз моих подальше.

[1]**Книппель** — снаряд для поражения такелажа и рангоута противника. Состоял из двух ядер или полуядер, соединённых железным стержнем или цепью. Вращаясь в полёте, книппель перерубал снасти и ломал рангоут.

[2]**Бейдевинд** — курс корабля относительно ветра, при котором угол между направлением ветра и диаметральной плоскостью судна составляет меньше 90 градусов. Самый сложный для парусника курс, требующий постоянной работы с парусами.

[3]**Такелаж** — совокупность всех снастей (тросов, верёвок, цепей) на корабле, служащих для крепления и управления рангоутом и парусами. Делится на стоячий (неподвижный, для удержания мачт) и бегучий (подвижный, для управления парусами).

[4]**Поворот оверштаг** — поворот парусного судна, при котором нос пересекает линию ветра. Считается более сложным манёвром, чем фордевинд (поворот по ветру), требует слаженной работы команды.

[5]**Галфвинд** — курс, при котором ветер дует перпендикулярно направлению движения корабля. Один из самых удобных и безопасных курсов.

[6]**Куттер** — небольшое быстроходное одномачтовое судно с косыми парусами. Использовалось для посыльной службы, патрулирования и каботажного плавания.

[7]**Нок рея** — оконечность рея (горизонтального рангоутного дерева, к которому крепится парус). Выражение «болтаться на ноке рея» означает быть повешенным на рее — вид казни, практиковавшийся на флоте. Кстати, слово «рей» — мужского рода.

[8]**Бриг** — Двухмачтовое парусное судно с прямым парусным вооружением на обеих мачтах. Отличался хорошей скоростью и манёвренностью, часто применялся как военный или торговый корабль.

[9]**Штормтрап** — верёвочная лестница с деревянными ступенями, которую сбрасывают за борт для подъёма на корабль из шлюпки или из воды.

Глава 2

Утро дружелюбно приветствовало головной болью, отвратным привкусом во рту и мерзкой вонью. Всё тело болело. Нащупав на пальце дедов перстень и потеряв его, Жак приободрился: значит, всё это было кошмаром, и его просто ждёт выволочка от Вурье за пьянство и сон в трюме. Язык машинально облизнул побаливающую губу. «Чёрт. Во сне казалось, что меня кто-то бил».

Жак открыл глаза. Трюм какого-то небольшого судна. Явно не «Блонди». Доски трюма рядом покрыты подсохшей рвотой. «Что же я не сдох вчера...».

— Вставай, пьянь! — голос раздался из-за принайтованных[1] тюков. — Капитан требует тебя на палуба.

Меж ящиками пролез матрос. Явно не военный, с непонятным акцентом. Несмотря на довольно грубое обращение, он протянул Жаку чарку.

— Пей.

В чарке оказалась вода, прохладная и свежая – то, что нужно.

— Где я?

— Вставай, пьянь! – матрос явно не очень хорошо говорил по-французски.

Они пролезли между вонючих тюков и выбрались на жилую палубу. Жак оценил размер корабля. «Чёрт. Это был не сон, и я на каком-то бриге». Матросы ночной вахты спали в гамаках. Те, кто не спал, но был на нижней палубе, смотрели на Жака с ухмылками.

Поспешно пройдя между разномастной матросни, Жак по лестнице выбрался на палубу и жадно вдохнул свежий воздух. Бриг шёл в галфвинд, свежий ветер наполнял паруса.

Несмотря на пёстрое разнообразие команды и отсутствие единой формы у матросов как таковой, на палубе было чисто, а сами моряки были при деле.

— Мсье Вандом, поднимайтесь к нам!

Жак обернулся. На квартердеке[2] (а этот уродливый кургузый бриг имел и форкасл[3] и квартердек) стоял огромный детина, одетый как пугало: широкие штаны, широкая рубашка и старомодный камзол, явно перешитый из какого-то мундира мышино-серого цвета, но богато украшенный вышивкой. На голове здоровяка был повязан большой платок, некогда красный – но теперь выцветший до бледно-розового. Густая, недлинная светлая борода и пышные усы обрамляли широкую улыбку. Великан кого-то напоминал Жаку. Кого-то противного.

Когда Жак поднялся на квартердек, он тут же вспомнил, кого именно. В стороне, около бочки с водой курил трубку худой, высокий человек с лошадиным лицом и белыми волосами. Хотя при солнечном свете стало понятно – Ян (вроде так он представился) был блондином, но тонкие волосы выгорели на солнце.

— Доброе утро, мсье Вандом. Вы помните наш вчерашний разговор? — Ян выпустил облачко дыма.

— Помню. Лучше б забыл.

— Какая неблагодарность! — «лошадиное лицо» театрально закатил глаза. — Я, вообще-то, спас вашу жизнь, вернул вам перстень и вывез из города, в котором за несколько медяков вас готов был сдать властям каждый проходимец. Стыдитесь!

Жаку, может, и было бы стыдно. Но не в тот момент, когда жалость к самому себе и оплакивание загубленной карьеры готовы были захлестнуть его с головой.

— А ты в благодарность заблевал борт моего «Камби», — громыхнул здоровяк. — И, как мне сказал Эйнар, ещё и в трюме наблевал.

— Простите, месье, — Жак склонил голову. — Я был...

— Ты нажрался как скотина, — расхохотался капитан. — Вы, французы, не умеете пить. Я Эйтель Брарен, торговец.

Эйтель протянул широкую, как лопата, ладонь.

— Жак Вандом, — представился зачем-то француз и пожал лопату. Рукопожатие, на удивление, было аккуратным. — Не знаю, кто я теперь.

Эйтель не отпустил руку Жака.

— Ну, мой кузен Ян – гость на моём корабле, — улыбка здоровяка стала ещё шире. — Ты тоже будешь гостем, когда отдраишь за собой борт и трюм. Эйнар! — Крикнул капитан в сторону, не разжимая стальную хватку. — Принеси мсье скрябку[4] и приготовь беседку[5].

Отмывание борта корабля, как и любая рутинная работа, способствует погружению в себя.

Сидя в беседке, небольшой сидухе из доски и троса, и периодически глядя на пробегающую под ним воду, француз думал о своём положении.

Сначала Жак ненавидел Браренов за то, что заставили выполнять работу простой матросни. Потом, когда эта матросня принесла ему воды и на корявом французском спросила, нужно ли что-то ещё и всё ли в порядке, Вандом осознал, что он ещё жив. И жив, в принципе, благодаря похожему на палку Яну.

Отдраивая полтрюма, Жак уже преисполнился благодарностью к странным кузенам. С Вандомом Ян говорил на французском, с испанцами в Таррагоне – на испанском. И там, и там присутствовал странный акцент.

Уродливый бриг «Камби» шёл под датским флагом, и, судя по всему, флаг соответствовал принадлежности корабля. Матросы были в основном светловолосыми или рыжими северянами, говорили, как правило, на каком-то северном наречии. Жак не знал их язык, но слышал пару раз разговоры датских моряков в Бресте. Было похоже.

К обеду у Жака ныло всё тело, но борт и трюм за собой он всё же отдраил.

Один из датчан, тот самый Эйнар, придирчиво осмотрел полтрюма. Улыбнулся, панибратски хлопнул Жака по плечу и махнул рукой – мол, пошли за мной.

Пройдя через жилую палубу, Жак и Эйнар вышли в кают-компанию[6]. За столами уже сидели некоторые члены команды, капитан и его долговязый кузен. Повар ещё не принёс еду, и на пустом столе кроме хлеба ничего не было.

— *Капитан, он всё отдраил*, — Эйнар обратился к командиру на датском. Жак ничего не понял, но пытался понять, о чём речь по выражениям лиц.

— *Не такой уж он и изнеженный, этот француз*, — Капитан кивнул и продолжил уже на французском. — Мсье Жак, Ваша одежда может скомпрометировать нас там, куда мы идём. Мой старпом выдаст вам всё необходимое, после чего я жду вас за столом.

На жилой палубе Эйнар тут же выдал Жаку поношенный комплект одежды – рубаху, штаны, какие-то уродские деревянные башмаки и короткую серую куртку. Пока Вандом переодевался, старпом срезал пуговицы с его мундира, и выбросил тот за борт. Деревянные башмаки были чуть велики, и Жак плотнее намотал на ноги портянки, наспех сделанные из рукавов своей старой рубахи.

Переодетого француза ждали в кают-компании.

— Рад, что ошибся в вас, мсье Жак, — капитан жестом показал на место слева от себя. — Вы заслужили как минимум нормальное спальное место на эту ночь, так что вечером вам выдадут гамак.

— Благодарю вас, капитан, — Жак не знал, как обращаться к датскому торговцу, поэтому назвал того привычным словом, соответствующем его статусу на корабле. — Я заслужил гамак только на эту ночь?

— Ветер нам благоволит, и завтра мы уже сойдём на берег, — в разговор вступил Ян. — Прежде чем мы сойдём на берег, вам придётся немного изменить себя.

— Я не знаю, где мы высадимся, — Жак отвлёкся на повара, принёсшего чан с каким-то варевом. — Но не думаю, что там меня будут искать.

— Конечно, не будут, — Ян протянул тарелку, и в неё щедро налили нечто среднее между густым супом и жидкой кашей. — Но жгучий брюнет на датском бриге выглядит как белая ворона в стае обычных сородичей. Вам придётся обриться налысо. Ещё я попрошу вас снять и спрятать перстень. Вы одеты как матрос, а у простого моряка не может быть таких драгоценностей. И ради всех святых – молчите. Англичане сразу распознают в вас француза.

— Англичане?!

— Да. В лучшем случае утром мы прибудем на Менорку. Нужно быть максимально осторожным – от этого зависит слишком многое.

Кают-компания прервалась на еду. Варёво, несмотря на сомнительный вид, было потрясающим на вкус. Свежие овощи тоже были поданы к столу.

— Огромный плюс каботажного плавания[7] – никакой цинги, — Эйтель взял небольшую плюшку. — Не надо запасаться чёртовыми сухарями и солониной – почти всегда можно пополнить провиант.

Дальше капитан завёл разговор с офицерами. Говорили на датском, которого Жак не понимал. Сытная, жирная пища окончательно исцелила Жака от последствий двухдневных возлияний. Поданный после обеда эль расслабил француза.

— Мсье Жак, — обратился Ян. — Искренне рекомендую вам взять после обеда у старпома гамак и вздремнуть. А после сиесты[8] мы с вами обсудим дела.

Жак так и поступил. Пара часов сна окончательно привели его в порядок. Стрельнув у боцмана бритву, Вандом хотел уже брить голову самостоятельно – но был обруган уродливым низеньким человеком. Суть ругательств Жак не понял. Человечек отобрал бритву, и, ни разу не поцарапав, обрил француза буквально за дюжину минут. Смущённо поблагодарив корабельного врача (а так профессионально мог обрить человека только цирюльник), француз подошёл к бочке с водой и взгляделся в отражение. Похмельный отёк сошёл, и теперь Вандом выглядел намного лучше, чем утром.

Нужно было найти Брарена. Того, который Ян.

Поднявшись по трапу, француз вдохнул свежий морской воздух. После запахов палубы и трюма этот вздох пьянил своей чистотой. Сейчас, в конце сентября, свежий северо-восточный ветер пах солью и йодом и уже не был горячим – скорее ласково-тёплым. Солнце медленно двигалось к горизонту, и его косые лучи рисовали на морской зыби длинные косые золотистые дорожки.

Жак огляделся в поисках Яна, и тут же заметил его. Тощий блондин стоял на квартердеке и задумчиво смотрел куда-то вдаль.

— Вы хотели поговорить со мной.

— Да, мсье Жак, да... — Ян выглядел немного растерянным. — Отойдём к бочке.

Достав из небольшой плоской сумки свою глиняную голландскую трубку, Ян неторопливо набил её и раскурил от огня.

— Итак... С чего бы начать, — первое облачко дыма тут же было развеяно ветром. — С самой Революции республике досаждают европейские монархии. Вы это и так прекрасно знаете. Республика тоже досаждала монархиям одним только фактом своего существования и сопротивления. Скажите, Жак, кто, по-вашему, является самой большой угрозой для Франции? Какая держава?

Француз размышлял недолго.

— Англия и Россия.

— Прекрасно, — Ян умудрялся говорить, не выпуская мундштука из зубов. — А как вы думаете, что будет, если Россия выйдет из войны?

— Тогда, думаю, мы разобьём англичан на суше. На море будет сложнее.

Ян улыбнулся.

— Вполне возможно. Какие цели преследует Англия?

— Уничтожить республику и вернуть Бурбонов?

— Это всего лишь официальная позиция. На самом деле всё куда сложнее.

Ян снова запыхтел трубкой. Жаку показалось, что он издевается со своими «паузами» и молчанием – но Брарен подбирал слова.

— Англичане хорошо умеют вытаскивать каштаны из огня кошачьей лапой. Пока их союзники сдерживают армию Франции в Европе, они сами захватывают колонии Республики и её союзников. И если англичане вернут Бурбонов на французский престол, то Франция будет расплачиваться с островитянами до второго пришествия, а Бурбоны станут марионетками Георга III и его потомков. Англия станет гегемоном в Европе.

Жак внимательно посмотрел на тощего блондина.

— И как Дания сможет помешать Англии?

— Не Дания, — Брарен затаился, но трубка уже погасла. — Россия.

Жак расхохотался.

— Россия? Помешает Англии? Да они же союзники! Да их император, как его там, Пётр вроде... Он же с англичанами чуть ли не братается! Да у них флот постоянно с англичанами вместе ходит, что в Голландии, что у Греции! Да...

— Не кричите, — Ян даже не улыбнулся. — Я уверен в матросах моего кузена, но не стоит вводить их в искушение. А императора нашего зовут Павел Петрович. Англичане предали его. Подставили с Голландской экспедицией. Пока Суворов громил войска Республики в Италии, англичане просто наживались, грабя французские колонии и корабли. Когда Суворов был готов идти на Париж, именно англичане настояли на его переходе в Швейцарию – чтобы продлить войну. А сами обрастали новыми землями и под предлогом союза закупали у России лес, пеньку и железо по ничтожной цене. Император – человек умный и благородный... Чересчур благородный. В политике таким быть нельзя. Он понял, что англичанам плевать на всех, кроме англичан.

— И давно он это понял? Жак явно не верил собеседнику.

— Подозревать начал ещё при крахе голландской экспедиции. Не верил в такую подлость, но решил перестраховаться. И в случае предательства Георга несколько специальных посланников Его Величества должны будут начать выполнять особые поручения. Каждый – своё.

— Разве англичане предали вас? — Вандом всё ещё сомневался в словах блондина. — Вы же вот только выбили нас с Мальты. «Блонди» как раз оттуда и шла.

— Предали, — Ян вздохнул. — Одним из условий начала моей миссии было как раз падение Мальты. Два года назад Мальтийский Орден был изгнан с острова французами. Убежище орден нашёл в России, и новым Великим Магистром был назван император Павел. После захвата англичане провозгласили Мальту новым владением британской короны, невзирая на то, что законным владельцем острова являлся Орден и его Верховный Магистр. В случае, если Георг не отдаёт Мальту, мы должны начать действовать.

— И что должны были сделать вы? — Жак ухмыльнулся. — Не думаю, что подобрать в Испании подставленного французского офицера.

— Конечно, нет. Я должен был передать в магистрат секретный рескрипт от императора Павла королю Карлу, и способствовать набору команды на корабль. Вы просто попались мне под руку, и я решил, что дерзкий и умелый офицер может пригодиться нашему делу больше, чем виселице.

— Ян, вы уж простите, — вспыхнул Жак. — Но это же полный бред! Россия, которая до этого натравила на Республику своего генерала Глотку и этого страшного адмирала...

— Ушакова.

— Да! Так вот. Россия почти десять лет воевала против Республики, а теперь хочет вместе с нами воевать против англичан? И это говорит мне датчанин? Да это же полный бред!

Ян с улыбкой открыл свою сумочку с трубкой и начал потрошить один из швов.

— Я, кстати, не датчанин. Как и мой кузен, — Брарен достал небольшую подвеску в виде мальтийского креста. — На обратной стороне надпись. Вряд ли вы поймёте её, она на русском. Звучит она как «On neset volyu moyu», что переводится примерно так: «Этот человек выполняет мой приказ». Ещё есть письмо от императора, но им я на палубе размахивать не буду.

— И где мы возьмём корабль? Команду? Где мы возьмём пушки, порох, оружие?

— Сразу видно – я в вас не ошибся, — Ян улыбнулся. — Вы сразу интересуетесь самым важным. На Менорке нас ждёт капитан и экипаж. Вооружение на корабль мы купим в Порт-Магоне, сделав вид, что готовим торговую флотилию.

— А корабль?

— Порт-Магон – это база английского флота. Туда стоняют свои призы и английские каперы, и капитаны из крейсерств. Нам достаточно будет выбрать корабль и договориться с британцами, чтобы они продали его нам. Я сошлюсь на Эйтеля и скажу, что я датский торговец. Или прикинусь русским купцом. Ну и подмажу сделку, приплатив кому надо.

— Вы представляете, сколько стоит корабль? — Жак удивлённо посмотрел на своего собеседника. — Хотя бы примерно? Сколько стоят пушки, порох, ядра? Это же целое состояние!

— Вопрос цены меня не беспокоит, — Ян выпрямился во весь свой рост, и высокомерно задрал нос – но не сдержался и рассмеялся. — Его Величество оплатит эту затею. А Российская Империя – страна невероятно богатая.

— И что мы будем делать на вооружённом корабле?

— Крейсировать. Нас ждёт каперский патент[9], подписанный королём Карлом IV. Мы будем мешать англичанам во всём: захватывать их торговцев, топить их курьеров, перехватывать их почту и уничтожать их каперов, — В синих глазах Брарена загорелись злые огоньки. — Покажем этим островитянам, что в эту игру могут играть двое.

Француз призадумался.

— Каперский патент? Так вроде ваш кор... император то есть, он же объявил войну Испании? Ещё в прошлом году, если ничего не путаю. Над ним вся Европа потешалась.

— До боёв дело так и не дошло, — проигнорировав «потешалась», холодно заметил Брарен. — В Европе Российская Империя должна была поддержать Португалию в случае боёв с Испанией. В Америке мы вполне могли бы дать жару испанским колониям, как и они нашим. К счастью, эта глупая война хоть и объявлена, она так и не началась.

— А зачем она тогда была нужна?

Ян вздохнул и замолчал, вновь подбирая слова.

— Объявление войны – это не только вывод войск, мсье Жак. Это ещё и прекращение торговли. Вы же знаете, что в Испании проблемы с зерном? До начала этой «бумажной» войнушки русское зерно поставлялось на испанский рынок. То же самое касается пеньки. Император Павел просто отрезал Испанию от наших товаров. Не самый большой урон, не самая страшная проблема – но её царь-батюшка всё же создал. Хотя, — Ян снова вздохнул, тоскливо посмотрев на доски палубы под ногами, — поступок импульсивный и не самый лучший.

— И вы и правда думаете, что король Карл согласится на эту странную затею – давать русским морякам каперские патенты?

— Уверен, что согласится. Это Испания, Жак. Карл Четвёртый хоть и является королём, но правят в стране его королева и их фавориты. А среди них большинство поддержат любую идею, которая навредит англичанам. А уж конец «бумажной войны» с Россией, возобновление торговли и возможность поставить зарвавшихся островитян на место... Думаю, только ради последнего может объединиться вся не купленная Лондоном Европа.

— Для меня это всё слишком сложно, Ян. Я моряк, — француз усмехнулся. — И я знаю, как вести корабль в море. Как вести его в бою. А вы мне тут про всякие политические интриги рассказываете.

— Государство – тот же корабль, мсье Жак, — усмехнулся Брарен. — На квартердеке стоит монарх, его министры – офицеры. Такие, как я – рядовые матросы. И мы ведём этот корабль туда, куда приказывает нам император.

— А такие, как я? Если вы – матросы, то кто тогда такие, как я?

— А вы – снасти. Моряки – паруса, армия – пушки, крестьяне – доски, из которых этот корабль сложен. И сейчас нам нужны морские офицеры, которые будут воевать против Англии под другими флагами. Для поддержки наших союзников, и для ослабления будущего врага.

— Будущего?

— Будущего, — кивнул Ян. — Прежде чем Россия заключит союз с Наполеоном Бонапартом и Карлом Четвёртым, разведки и тайные канцелярии обменяются письмами, составят планы совместных действий. А в это время в качестве жеста доброй воли мы предоставим Карлу Четвёртому вас. Каперов.

Жак замолчал. С одной стороны, ему предоставился шанс ещё послужить республике. Пусть и в качестве капера, пусть на службе этого странного русского.

С другой стороны, рассказанное Яном Брареном не вызывало доверия. Глобальная политика для молодого лейтенанта была сложна. Ну а с третьей – выбора у него всё равно не было. Или работать на этого русского, или петля на шее во Франции – и это, если его не убьют при попытке отказа. Просто, чтобы не оставлять лишних свидетелей.

— Ян, как вы думаете, — прервал молчание Жак. — Надолго этот союз? Франции и России?

— Не знаю, — Брарен закончил прятать свою подвеску. — Думаю, надолго. Англия не первый раз пытается мешать Российской Империи. Грядёт большая игра, вот увидите. Там, где не будут греметь пушки – будут блестеть кинжалы и плестись паутины интриг.

Жак решил задать вопрос, который его тревожил с самого утра

— Ян, вы русский?

— В России нас называют «nemtsy Povolz'ya». Это собирательное название всех жителей западной Европы, переехавших в Россию при Екатерине Великой и до неё, и поселившихся в определённом месте. Я родился уже в России, но мой отец, Тьярк Брарен, переехал в Россию с острова Фёр. Отец Эйтеля, Хинрих, переехал тогда же в Данию.

— Фёр... Так вы голландец?

— Фриз.

Жак прыснул. Всё, что он знал о фризах – что это крупная порода лошадей, некогда любимая рыцарями. Лошадиное лицо Яна снова стало из задумчивого сердитым.

— Жак, за очередную шутку о лошадях я тебя ударю.

Француз отвернулся, глубоко вздохнул – но не сдержался и захохотал.

— Человек за бортом! — закричал сзади Ян. Флотская привычка тут же дала о себе знать, Жак бросился к планширю[10]. Сначала он почувствовал, как тонкие руки схватили его за воротник и пояс, с неожиданной лёгкостью приподняли его, продолжив начатое в сторону моря движение. Жак услышал сдавленное «Nu derzhis', suka» – и полетел за борт.

[1] **Принайтованные** — закреплённые найтовом (верёвкой или тросом). Найтов — способ крепления груза, снаряжения или такелажа к палубе или рангоуту.

[2] **Квартердек** — приподнятая кормовая часть палубы, где обычно находились капитан и офицеры.

[3] **Форкасл** — приподнятая носовая надстройка, полубак.

[4] **Скрябка** — инструмент для чистки деревянных поверхностей на корабле. Представляла собой железную пластину с ручкой, которой соскабливали смолу, краску и грязь.

[5] **Беседка** — небольшое сиденье из доски, подвешенное на тросах за борт. Использовалось для покраски, конопачения или драйки (чистки) борта выше ватерлинии.

[6]**Кают-компания** — общее помещение на корабле для офицеров и привилегированных пассажиров. На торговых судах иногда использовалась капитаном как столовая

[7]**Каботажное плавание** — судоходство вдоль берегов, без выхода в открытое море. Каботажные суда могли часто заходить в порты для пополнения запасов, что позволяло брать свежие продукты и избегать цинги.

[8]**Сиеста** — послеобеденный отдых, послеобеденный сон.

[9]**Каперский патент** — официальное разрешение, выдаваемое государством частному лицу (каперу) на захват и конфискацию вражеских торговых судов. Капер действовал в рамках законов войны, в отличие от пирата. Добыча подлежала призовому суду, часть средств шла в казну.

[10]**Планширь** — верхний край борта судна.

Глава 3

К Менорке бриг и правда подошёл на рассвете, но после этого ещё полтора дня при слабом ветре шёл вдоль северного побережья острова.

На закате Жак вышел на палубу. «Камби» медленно входил в довольно крупный залив. Бухта врезалась в остров на две с лишним мили, ширина входа составляла около одной мили. Пологие берега не защищали залив от ветра, но волнение открытого моря не тревожило успевшие зайти в бухту корабли. На восточном берегу входа в залив возвышался мыс.

Небольшие рыбацкие судёнышки самых разных видов – тартаны, кечи и мостико[1] возвращались с уловом. Крупных судов в бухте не было – основным портом Менорки был Порт-Магон, куда британцы недавно перенесли столицу.

Навстречу кургузому бригу двигались две крупные канонерки. Синхронность гребцов и вид лодок, будто идущих на парад, говорили о принадлежности судёнышек не хуже, чем синий мундир флотского офицера и белый флотский британский флаг.

— *Эй, на бриге! Представьтесь!* — одна из лодок подошла к бригу почти вплотную, вторая замерла на почтительном расстоянии. Тем не менее крупное длинноствольное орудие недвусмысленно было направлено в сторону проверяемого судна.

— *Бриг «Камби», офицер! Ходим под датским флагом, идём в Порт-Магон!* — Эйтель улыбался. Почти естественно. — *Нам воды пресной набрать, наша стухла через пару часов после выхода из Барселоны!*

Английский у крупного Брарена был просто отвратный. Жак, довольно сносно говорящий на языке островитян, с трудом понимал акцент и произношение Эйтеля.

— *Выгружать будете что-то?*

— *Нет, только наберём пару бочек воды, дойти до Порт-Магона.* — Эйтель продолжал улыбаться. — *А там уже и заполним полные резервуары. Капитан, может вам показать документы? Или подниметесь, проверите груз?*

Англичанин очень плохо скрыл вздох облегчения.

— *Я не капитан, я мичман. И я не буду подниматься к вам на борт, мистер, но прослежу за тем, что вы грузите в шлюпки и обратно.*

Эйтель удовлетворённо кивнул. «Камби», в сопровождении двух канонерок медленно двинулся вглубь залива.

За полчаса бриг вышел на ближний рейд у деревни Форнельс. Шлюпка спустилась на воду, и Эйтель отдал приказ шлюпочной команде отправляться за водой. Команды звучали на датском, и Жак ничего не понимал, но один из матросов сунул ему в руки зюйдвестку[2] и толкнул к шлюпке. Натянув непромокаемую шляпу, Жак спустился по штормтрапу в шлюпку, помог принять четыре пустых бочонка и сел на вёсла. Англичанин только скользнул по нему взглядом.

Крупный моряк, кажется, Густав, оттолкнул шлюпку от борта брига, и матросы заработали вёслами.

Под отрывистые команды Эйнара лодка быстро шла к берегу. На пирсе стоял тот самый офицер, что командовал канонеркой и разговаривал с Эйтелем. Наспех проверив бочки, он потерял всякий интерес к датчанам.

Уже у ручья один из матросов схватил Жака за руку и потащил его в сторону, в проулок.

— *Быстро, быстро!* — матрос на ходу сорвал с головы платок, и белые тонкие волосы рассыпались по плечам.

— *Ян?!*

— *Шевелись, zaraza, вопросы потом!*

Быстрым шагом они двинулись в сторону проулка. Стены невысоких одноэтажных домиков были белыми от извести. То тут, то там во двориках виднелись клетки для ловли крабов, бочки для их засолки и растянутые рыбацкие сети.

Поискав взглядом по заборчикам, Брарен увидел на одном из них треснувший горшок, насаженный на жердь вверх дном.

— Aga, vot oni gde... — Ян тут же направился к этому забору, отворил калитку и постучался в дверь. Дверь открыл невысокий мужчина в простецком костюме. Ян сорвал с француза зюйдвестку и сунул её в руки открывшему.

— Naden', obyazatel'no, — Брарен прищурился, привыкая к яркому свету. За грубым дощатым столом сидел ещё один мужчина. После быстрого эмоционального разговора на всё том же непонятном языке второй вскочил, поклонился и вместе с открывшим дверь ушёл в сторону ручья. «морды обветренные, походка вразвалку. Матросы, — отметил про себя Жак. — А судя по выправке и беспрекословному подчинению – военные моряки».

— Ну вот мы и на месте, — задвинув засов, Ян Брарен тяжело вздохнул. — Приходите в себя, мсье Жак. Час отдыха, и мы отправимся в местную таверну. Переночевать можно и здесь, но в «le Requin» очень неплохо кормят. И у меня там осталось последнее из сегодняшних важных дел.

Ян неторопливо снимал матросский костюм, под которым оказался всё тот же тёмно-синий сюртук, панталоны, белая сорочка и жилет. Всё это выглядело довольно мято, несолидно и пахло потом. Хотя скорее всё же не пахло, а воняло.

— Ян, кто были эти люди?

— Русские моряки.

— Откуда они здесь?

— Я приказал им ждать нас здесь, — Брарен достал свою трубку. — Ну, не я – Капитан.

Слово «капитан» фриз произнёс именно так, что стало понятно – это не просто должность, это имя и прозвище, чуть ли не титул. Закурив трубку, Ян сел за стол.

— Да и ждали они меня, а не нас. Иван должен был подменить меня в команде Эйтеля, а Дмитрий сопроводить в Порт-Магон по суше. Но раз нас и так двое, то пусть лучше оба уйдут с Эйтелем. А мы с утра двинемся в путь.

— А их? — Жак кивнул в сторону двери, — Их там не поймают?

— Да кому они нужны, — Брарен вытянул свои длиннющие ноги. — Это русские моряки. Они частенько ходят с датчанами, мы уже много лет в союзе. Один одет просто, у второго на голове вообще эта идиотская шапка. Двенадцать пришли, двенадцать ушли. Ты думаешь, англичане будут смотреть на моряков? Да всё побережье знает, что датский бриг «Камби» принадлежит Эйтелю Брарену, который хоть французскую лягушку, но провезёт контрабандой. Англичане и рады, что он не выгружается – им не следить за ним и не заполнять среди ночи ворох бумаг.

— Неужели ваш кузен настолько неуловим?

— Ну, не то что бы... — Ян выдохнул густую струю дыма. — У Эйтеля дурная репутация, которую он всячески поддерживает. Каждый раз в каждом порту его самого и его «Камби» досматривают, каждый раз обыскивают вдоль и поперёк – и ничего не находят. Эйтель смеётся, потом намекает, что хитро провёз контрабанду. И делает это громко. И в тех местах, где его точно услышат осведомители и стукачи.

— Но зачем?

— Ну, во-первых, ему это нравится. Этому верзиле, словно подростку, нравится обставать таможню и играть с огнём, — Ян усмехнулся. — Во-вторых, это репутация. Вроде и контрабандист, а вроде и не пойман. Ну, и мало того что он сам по себе симпатичен, такие истории так и манят к нему разных женщин. В-третьих, Эйтель и правда провозит контрабанду. Но не в мешках, бочках и сундуках – а в подкладках сюртуков и камзолов, в дуле пушки или

в бутылке с ромом. Его настоящая контрабанда – письма, карты, послания. И люди, как вы только что ощутили на себе.

Жак усмехнулся. На месте Эйтеля он и сам бы подучился.

Ян деловито осмотрел бутылки на столе. Выбрав одну, из мутного, тёмного стекла, он улыбнулся. Поставил бутылку у камина, взял кочергу, и с размаху ударил, разбив стекло. Среди осколков оказалась бумажка, свёрнутая в трубочку и перетянутая грубой нитью.

— А вот и письмо от капитана... — Брарен внимательно прочёл письмо. — Да, у нас всё в порядке. Капитан ждёт нас в Порт-Магоне. Пишет, что там сейчас немало трофейных кораблей, которые продаются с аукциона. Ещё там стоит линейный корабль «Женерё», захваченный полгода назад у Республики.

Глаза Жака вспыхнули радостью и надеждой, но тут же погасли.

— Такого здоровяка мы не осилим.

— Я знаю, — Ян вытряхнул пепел из трубки в камин. — У нас не хватит команды, чтобы управлять таким кораблём, да и не нужен нам он. Слишком большой для нашей задачи, а полноценно воевать мы не планируем.

— Даже если бы планировали – англичане нам его не продадут, а угнать линкор – идея сомнительная. Тем более «Женерё».

— Почему?

— Невезучий корабль, — Жак коснулся стола, пробормотав «касаюсь дерева». — С ним вечно проблемы.

Ян постучал три раза по столешнице.

— Да уж. Удачу не стоит пугать таким судном, — Убрав трубку в сумочку, Ян прислушался к улице. — Думаю, нам пора. «Le Requin» и прекрасный суп из омаров ждут нас!

Улицы ночной деревни ничем не освещались. Два путника не вызвали вопросов: господин идёт со слугой по своим делам. Английские солдаты, проходя мимо, бросали взгляды только на Яна – слишком уж высоким был молодой фриз.

Таверна «Le Requin» стояла недалеко от пирсов. Пара солдат стояла в карауле на почти-тельном расстоянии, но не приближаясь к входу – провоцировать местных было опасно. Недавний захват Менорки не изменил отношения местных жителей-каталонцев к островитянам.

Таверна выглядела довольно скромно. Известковая побелка на стенах местами облупилась, а дверь, покосившаяся от времени и влаги, кажется, и вовсе не закрывалась никогда. По утекающему через открытую дверь запаху тушёного лука и «caldereta de langosta[3]», местного рагу из лангуста, путь к таверне мог бы найти даже слепой.

Над дверью висела вывеска. Некогда чёрный прямоугольный щит, возможно, из старого стола, выгорел на солнце, и теперь скорее был тёмно-серым. Узнаваемая фигура акулы была приколочена поверх чёрного щита, и на белой акуле красовалось название таверны.

Внутри таверна оказалась воплощением уюта. Чистый, выметенный пол. Чистые деревянные столы, на которых при желании можно рассмотреть вытертые многолетние следы от локтей посетителей, но как ни старайся – не найдёшь и капли пролитого соуса или вина. У задней стены был выложен каменный очаг. Поперёк очага лежала перекладина, на которой висели котлы.

Рядом с очагом стоял прилавок, за которым грузный хозяин таверны болтал с одним из посетителей. Стены скромно украшали старый, тухлявый штурвал с какого-то корабля и деревянный крест.

Местная клиентура – рыбаки и краболовы – крайне недружелюбно посмотрели на вошедших Яна и Жака.

Ян остановился у входа.

— *Как я вижу, здесь нет ни одного англичанина,* — Брарен улыбнулся. — *Сразу видно – приличное место.*

Постояльцы тут же потеряли интерес к странной парочке. Если днём в таверне могли перекусить и офицеры оккупантов, то после захода солнца зал принадлежал местным. Тем, кто был не рад красным мундирам.

Ян и Жак сели за стол.

— Заказывать буду я, — сказал Ян. — Постарайся молчать. Лишний раз твой французский акцент не должен звучать в таверне.

Жак хотел было возмутиться, но замер с открытым ртом.

К ним шла она.

Невысокая. Стройная. В меру мускулистая. Смуглая кожа, карие глаза. Очаровательная улыбка, игривая и довольно искренняя открывала на удивление белые зубы. Непослушные, выющиеся чёрные волосы были собраны в пучок на затылке, и ничем не прикрыты. Белая блуза из плотной ткани одновременно полностью закрывала грудь, при этом обтягивая её так, что Жак сам устыдился своих фантазий. Тёмная юбка доходила почти до пола, передник из странной рыже-жёлтой ткани был заляпан следами рагу.

Увернувшись от попытки ущипнуть её с одной стороны, и поймав мелкую монетку с другой, девушка с улыбкой подошла к их столику.

— Господин Хуан, какая радость видеть вас! Вам, как всегда, рагу и вина? Отлично! А вашему другу? То же самое? Хорошо! Он, наверное, никогда не видел женщин, раз так смотрит на меня? — девочка продолжала щебетать на сносном французском с каталанским акцентом. — Но у него же была мать? Ох, какая я глупая! Наверное, он просто слишком долго был в море?

Девушка с наивно-детской улыбкой наклонилась к Жаку. Передний край блузки опасно оттопырился, и молодой лейтенант уже готов был утонуть в открывшемся виде, но...

— Какая я глупая! Да он же просто немой! — девушка резко выпрямилась, лишив Жака возможного зрелища. Подарив французам самую невинную из возможных в этой ситуации улыбок, она провела пальцем по своим губам и убежала к очагу.

— Это... Что...

— Это была местная официантка, Каталина, — Ян смотрел на Жака, не скрывая смеха в глазах.

Каталина тем временем принесла дощатый поднос и выставила тарелки на стол.

— Господин Хуан, Вашего любимого вина нет, есть только белое сладкое! А какое вино любите вы? — Каталина снова начала наклоняться к Жаку, но тут же одёрнулась. — Глупая, глупая Каталина!.. Да вы же немой!

— Я не немо...

— Свершилось чудо господне! — Каталина, подняв руки, убежала на кухню. — Диего, Диего! Там немой обрёл дар речи при виде твоего рагу!

Жак потрясённо смотрел вслед официантке.

— Господи милостивый... Какая красивая... И какая же дура...

— Она не дура, француз, — на плохом французском обратился к Жаку худой старик, сидевший за соседним столом. — Малышка Каталина повредила умом, когда её отец и брат погибли, пытаясь организовать сопротивление при высадке англичан. Они же высаживались здесь, в Форнельсе. Оба погибли, мать умерла, когда девчушка была ещё совсем мелкой. Если вдруг понравишься ей... Не обижай.

Жак перевёл непонимающий взгляд на Яна.

— Девочка... Иногда спит с клиентами. Редко. И за очень приличные деньги, — Ян отодвинул опустевшую тарелку.

— Эта фея, это дитя... шлюха?

— Это дитя – твоя ровесница, — Ян достал трубку. — А может, и постарше тебя.

Жак молча уставился в тарелку с рагу. Невероятный восторг от красоты девушки сменился на жалость, жалость – на брезгливое отторжение. «Слабоумная проститутка... Мир ужасен. Просто ужасен».

Каталина порхала по залу, обходя желающих облапать её и подходя к тем, в ком была уверена. «Словно яхта, обходящая рифы и заходящая в безопасные порты...» — мелькнул образ в голове Жака.

— Каталина, милая, подойди ко мне! — раздался голос рядом. Жак встрепенулся – смотря на девчонку, он напрочь забыл о своём... «нанимателе».

— Господин Хуан, что вы хотели? А ваш товарищ всё ещё разговаривает, или снова стал немым? Если для того, чтобы он говорил, нужно рагу, это будет очень неудобно – придётся носить с собой постоянно тарелку... — прекрасное личико омрачилось ненадолго, но тут же радостно озарилось улыбкой. — Я могу попросить Диего! Он нальёт в бутылочку, и так будет удобнее!

— Нет, милая, не нужно, — Ян протянул руку к официантке и провёл рукой по её узкой талии. — Я бы хотел сегодня позвать тебя к себе в номер...

Жак поперхнулся вином. Неплохим, кстати, белым сладким вином.

— Ян, она же... Она...

Каталина по-детски улыбнулась, наклонилась к Жаку и положила ему ладошку на губы.

— Господин Хуан, вашему другу и правда иногда лучше молчать, — голос из звонкого и по-детски задорного тут же стал глубоким, и с придыханием. — А этот красавчик... Он будет с нами? Или продолжит вечер, сидя в зале?

— Он будет с нами, милая, — Ян выпустил облачко дыма. — Сегодня у нас будут... Особые развлечения.

Каталина стрельнула своими тёмными глазами на Яна, на Жака, и внезапно расхохоталась, после чего звонко пропела:

*А матросы вошли в раж,
С двух сторон на abordaж!
Не робей, швартуй корму,
А не то пойдёшь ко дну!*

Жак покраснел от этих строк и повернулся к Брарену.

— Мсье Жак, я прекрасно знаю, о чём вы думаете, — Ян выдохнул в лицо Вандому облако дыма, и француз закашлялся. — Поверьте, общество Каталины... стоит того, чтобы порой поступиться приличиями.

Жак молча выпил кружку вина. Люди в зале косились на этих двоих. Многие – откровенно враждебно.

Спустя несколько минут Каталина, пританцовывая, вернулась к их столику. Взяв обоих мужчин за пальцы, она повела их к лестнице.

Жак сгорал со стыда, но не мог остановиться. Ощущение «неправильности» происходящего не покидало его, но... Но она была слишком красива. А Ян – слишком уверен в себе. В зал в это время вышел парень в фартуке – видимо, повар. В его руках была новомодная шестиструнная гитара. Уже заходя в номер, Жак услышал первые сыгранные ноты.

При взгляде на Каталину, входящую в номер, в голове французга смешались стыд, желание и злость на самого себя. Вандом попытался сделать шаг обратно.

— Право, мне всё же не стоит...

— *Da tvoiŭ mat', kak ty zadral to...* — проворчал Ян, и с силой втокнул французга в номер. Каталина, уже вошедшая в комнату, радостно, почти смеясь, смотрела Жаку в глаза.

— Иди сюда, красавчик... — Каталина потянула его в темноту комнаты за ворот рубахи.

[1]**Тартана, кеч, мостико (или мостичо)** — небольшие суда, использовавшиеся для рыболовства и прибрежного плавания.

[2]**Зюйвестка** — непромокаемая широкополая шляпа, обычно из просмоленной парусины или войлока. Носилась моряками для защиты от дождя и брызг. Название получила от направления зюйд-вест (юго-запад), откуда чаще всего приходили штормы с дождём.

[3]**Кальдерета де лангоста (caldereta de langosta)** — традиционное каталонское рагу из лангуста (морского рака). Готовится с томатами, чесноком, перцем, миндалём и травами. Считается праздничным блюдом.

Глава 4

Дверь закрылась, и только отсвет лучины не давал погрузиться комнате в полный мрак. Ян задвинул засовчик, передал лучину Каталине и начал раздеваться.

Девушка с улыбкой зажгла свечи на столе.

— Дон Хуан, для вас всё самое лучшее, — Каталина задула лучинку. — Диего даже свечи нашёл.

Брарен скинул камзол и начал стягивать рубашку. Жак стоял, будто парализованный.

— Раздевайтесь, мсье Жак, — Ян сел на край кровати. Каталина с игривой улыбкой опустилась перед ним на колени. Француз покраснел до кончиков волос и отвернулся. Не помогло – сзади раздался голос фриза. — Ох... Да... *Norosho to kak...*

Стыд сжигал Жака. Стыд не за то, что оказался в подобной ситуации – за то, что не знал, куда себя девать.

— Красавчик, ну ты где там? Иди сюда, и я сделаю тебе так же хорошо...

Жак повернулся и хотел уже сказать всё, что думает про русских, которые фризы, и про их слабоумных шлюх, но...

Брарен лежал на кровати. Каталина сидела перед ним и стягивала второй сапог.

— О *Gospodi, kakoe blagzhenstvo to...* Жак, не дурите и раздевайтесь! Сейчас придёт Марта и заберёт нашу одежду в стирку. Или вы хотите вонять, как труп англичанина?

Официантка с улыбкой встала и подошла к Вандому.

— Морячок, сразу видно. Француз. Лейтенант? Скорее всего, для мичмана слишком ухажен. — Улыбка Каталины стала шире. — Не пленный – личико упитанное, на дезертира тоже не похож... Отстал от корабля? Дон Хуан, он же точно не шпион – слишком наивен. И... не девственник, но явно опыта... маловато.

Жак шевелил губами, но не мог ничего сказать. Слабоумная девка проанализировала его, почти ни в чём не ошибившись.

— Ты кто такая, мать твою?..

— Это Каталина, — Ян встал с кровати. — Крайне умелая и приятная во всех отношениях особа. Собирает данные для меня с прошлого года. Жак, ей-богу, раздевайтесь уже! За эту ночь нам нужно искупаться, обсудить дела и поспать.

Ян тем временем разделся полностью, и как ни в чём не бывало, пошёл к лохани с водой.

— Жак, Вы уж простите, но я купаюсь первым.

Француз сел на табурет, и с недоумением смотрел на происходящее. Каталина тут же подскочила к нему, опустилась на колени и призывно улыбнулась.

— А сейчас, красавчик... — Девушка облизнула губы. — Я сделаю тебе хорошо...

Резким движением она сорвала с уставшей ноги деревянный башмак.

— Господи... да... — Недалеко засмеялся Ян. Жак хотел съязвить, но Каталина добралась до второго ботинка. — Да...

Девушка подскочила, схватила табуретку и под села к лохани.

— Итак, дон Хуан. Как мне сегодня вас убажить?

— Как обычно, милая Каталина, как обычно. Мсье Жак в нашем деле целиком и полностью. Брюнетка со смехом обошла Яна и начала тереть ему спину.

— Командует англичанами в наших краях всё тот же вице-адмирал Кейт. Офицеры его боготворят, моряки тоже пьют за его здоровье. Сами понимаете.

— Да, понимаю, — Ян нагнулся вперёд, и Каталина, взяв мочалку, начала скрести его спину. — Говорят, Кейт хорошо снабжает капитанов, идущих в крейсерские рейды[1]. И не отказывает им ни в чём. Один командер мне на днях сказал, что Кейт даже лишний порох им выдаёт в обход приказа.

— Плохо... очень плохо, — фриз призадумался. — Сколько кораблей в крейсерстве?

— Сколько кораблей – точно не знаю. Точно есть корвет[2] и пара бригов. И вроде планировали в крейсерство отправить ещё какого-то молодого командера, тоже на бриге.

— А каперы?

— Много. Очень. В основном на шхунах – но иногда используют и более мелкие суда. Бриги есть у двух или трёх.

— Плохо... очень плохо, — Ян попытался достать сумку с трубкой – но горячая вода слишком расслабила его. — Ката, милая...

— Конечно, дон Хуан.

Девушка подала сумочку, и Ян задумчиво начал набивать чашу табаком.

Жак смотрел с недоверием на эту сцену. Каталина, которая час назад казалась слабоумной дурочкой, вываливала «Лошадиному лицу» информацию об английском флоте. Ян же спокойно наслаждался нежными руками на спине, слушая свою «приятную особу» и даже что-то анализировал. При этом – беспрекословно доверяя девушке.

— А откуда ты вообще всё это знаешь? — Француз с недоверием смотрел на Каталину.

— Вы, мужчины, любите поговорить с женщиной, которая вас ублажила, — Каталина улыбнулась ему, как маленькому. — Или с той, которую хотите. А если взять истории из нескольких источников, то можно понять, где правда, а где – просто ложь возбуждённого дурака.

— Ян, а ты не боишься, что эта леди и твои истории... проанализирует и кому-нибудь продаст?

Фриз затаился и выпустил облако дыма.

— Не боюсь. Каталина предана мне – это раз. Каталина ненавидит англичан – они убили её отца и брата. Это два, — снова затяжка.

— Кстати, дон Хуан, — Каталина принесла Яну полотенце. — Вы только прибыли на остров, так ведь? Говорят, французский линкор потопил фрегат «Стэг», но не знаю, насколько это правда.

— Почти правда, — Ян вылез из лохани и завернулся в полотенце. — Французы были не на линкоре, а на фрегате. Это был «Блонди», и командовал им наш друг Жак.

Каталина впервые за вечер посмотрела на француз с уважением и интересом.

— А красавчик непрост, — Каталина улыбнулась, сорвала покрывало с кровати и забралась под одеяло. Немного возни, и вот уже её голые стройные руки лежат на одеяле, плечи и голова видны на подушке. Ян деловито забрался под одеяло и дёрнул верёвочку у изголовья. Где-то внизу, судя по всему, прозвенел колокольчик. Каталина, обернувшись одеялом, отперла дверь.

— Мигель, надо заменить воду в ванне, дон Хуан помылся, а месье Жак ещё нет! И мне тоже надо будет помыться, а то я...

— Заткнись, — в комнату вошёл здоровый детина. Оглядев оценивающим взглядом прибалдевшего Яна и обалдевшего Жака, Мигель взял ведро и начал быстро выплёскивать воду ведром прямо в окно. — Сейчас мы принесём чистую воду.

Каталина бесстыдно уселась на колени к Жаку. Здоровяк покраснел, быстро выплеснул остатки воды и вышел.

— Он меня хочет, — прошептала девушка Жаку. — Очень хочет. Но он не мешал англичанам высаживаться и лебезил перед ними, когда они заняли деревню. Я ему не верю.

Каталина перебросила ногу через бёдра Жака и укрыла одеялом уже и его. К удивлению и разочарованию француз, под одеялом на девушке было всё то же платье только блуза валялась на полу у кровати.

Когда Мигель вошёл в комнату с ведрами и ещё одним парнем, чуть младше и меньше, Каталина впиалась француз в губы, застонала и начала двигаться.

Мигель то краснел, то бледнел. Мальчишка, судя по схожести – его младший брат – завистливо смотрел на происходящее и отвлекался. Жак же не знал, куда себя девать – движение девушки на нём вызывало настолько сильное желание, что француз утратил возможность мыслить.

За три захода ванна была наполнена. Мигель выходил из комнаты, сжав кулаки до побелевших костяшек.

Ян укоризненно посмотрел на парочку на стуле.

— Ну вы артисты! Жак, идите купаться. Нам нужно ещё обсудить дела и успеть выспаться.

— В отличие от вас, дон Хуан, ваш красавчик явно мной заинтересован, — Каталина со смешком стрельнула глазами туда, где у Жака через штаны выпячивало свидетельство его интереса.

Француз, что-то проворчав, отвернулся, разделся и залез в лохань. Девчонка села на край кровати.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла дородная женщина лет сорока. Она молча поклонилась Яну и Жаку, посмотрела с осуждением на Каталину, которая снова делала вид, что из одежды на ней только одеяло. Собрав грязную одежду, женщина вышла. Всё это время Ян не сводил с неё взгляда.

Каталина заперла дверь и бросила одеяло на пол. Присев на край кровати, она улыбнулась Яну, и начала крутить выбившуюся из пучка на затылке прядь вьющихся волос.

— Так о каком особом деле вы говорили, дон Хуан?

— Тебе придётся отправиться с нами в Порт-Магон. Там – соблазнить одного из двух офицеров. Кого именно – выберешь сама, — Ян говорил спокойно, будто диктовал список покупок. — Офицера надо будет заманить в нужное место, где его встретят, допросят и убьют мои люди.

Каталина резко отпустила скрученную в жгут прядь.

— Дон Хуан, в Порт-Магоне слишком много глаз. Меня запомнят, и на меня укажут...

— Когда офицера хватятся, ты уже будешь на полпути в Барселону, — Ян устало улыбнулся. — Там ты перестанешь строить из себя дурочку и торговать телом. Тебя ждёт куда более приятное будущее. Ката...

Девушка бросилась вперёд и обняла фриза, звонко поцеловав его в худую щёку.

— Наконец-то уеду... Наконец-то!

Жак яростно тёр себя мочалкой. «Эта сучка Каталина сначала скакала на мне так, что чуть не сломала стул, а потом убежала к фризу, оставив меня страдать! И сейчас она чмокнула этого дылду, как горячо любимого друга – а Брарен реагирует так, будто это не молодая прекрасная девушка с такой... Эх...».

— А мне спину потереть можно? — не сдержал негодования Жак. — Или это только для избранных? Каталина подняла на французга взгляд. В нём заиграли озорные искорки.

— Ох, красавчик... — девушка встала с кровати. Её голос снова стал глубоким, а от придыхания у Жака начала закипать кровь. Каталина приспустила платье и делала пару шагов в сторону ванны. — Спинку потереть – дело хорошее, но...

Платье соскользнуло, повиснув на широких бёдрах и открыв вид на безупречную грудь. Жак осознал, что не дышит.

Каталина подошла к ванне.

— Да, дело хорошее. Но ты-то от этого заводишься. А дон Хуан – нет. Ему такие шутки не страшны.

Девушка наклонилась к Жаку и чмокнула его в нос.

— Не стоит дразнить тебя, правда?

Каталина улыбнулась, подняла блузку – и отвернулась к стене. Быстро натянув мятую одежду, под хохот Яна и возмущённое сопение Жака она поправила платье.

— Ложитесь спать, мсье Жак, — Ян с улыбкой указал на небольшую кровать. — Утром нам выдвигаться в путь.

Вандом вылез из ванны, демонстративно не прикрываясь – но Каталина даже не посмотрела на него. Налив в стакан какого-то пойла, он залпом залил обжигающую жидкость в себя, поставил стакан на стол и лёг на малую кровать. «Я – же не усну после этого всего...» – мелькнуло в голове Жака перед тем, как он провалился в тяжёлый, глубокий сон.

Утром в номер принесли уже постиранную и высушенную одежду. Рубаха Жака, чистая и мягкая, пахла дымом и яичницей – явно одежду сушили на кухне, у очага.

Ян одевался долго, тщательно приводя себя в порядок. Уже одевшись, фриз ещё раз поправил на шее платок.

— Мсье Жак, прошу простить меня. Я не флотский офицер, и не привык одеваться так же быстро, как вы.

— Так у вас, дон Хуан, или герр Ян, или как вас там по-настоящему, и костюм получше моего, — проворчал Жак. — Мои лохмотья не так долго натягивать.

Ян улыбнулся в ответ.

— Это не лохмотья, мсье Жак. Это обычная одежда моряка.

Раздался стук в дверь, и вчерашняя прачка внесла поднос с завтраком.

— Господа, Каталина уехала в город, в Меркадаль, за продуктами, хриплым, простуженным голосом пробормотала Марта.

— Нас вполне устроит и ваше общество, — улыбнулся Ян. Марта вспыхнула багрянцем и быстро покинула комнату.

После того как яичница, хлеб и сыр были съедены, мужчины спустились на первый этаж.

Ян пошёл договариваться о повозке. Жак, скучая, сидел за пустым столом. В голове всё смешалось: Каталина, которая казалась дурочкой, а оказалась шпионкой Яна; фриз, который посматривал на девушку тепло, но явно не был в ней заинтересован. «Что за чертовщина, прости Господи, — думал француз, потирая переносицу. — Такое ощущение, что я попал в ту английскую больницу. Как её там... «Бедлам», кажется?».

— *Не хочет ли благородный дон выпить молодого вина?* — к Жаку подошёл вчерашний повар, Диего. Рослый, крепкий мужик с добродушным лицом. Большие ладони его покрывали мозоли и ожоги.

— *Нет, друг, спасибо. У меня нет денег,* — также на испанском ответил Жак.

— *Друзьям дона Хуана – за счёт заведения,* — Диего отошёл за стену и вскоре вернулся с небольшой деревянной чаркой, в которой отражало лучи нежно-розовое вино. Ставя её на стол, каталонец внезапно положил руку на плечо Жака, и почти шёпотом прошептал на плохом французском. — Смерть английским оккупантам.

Француз неуверенно кивнул.

Вино оказалось лёгким и о довольно вкусным, отдающим фруктами, почему-то мёдом и лёгкой терпкостью. И главное – прохладным. В конце сентября на Менорке было довольно жарко, день был солнечный, и прохладный напиток радовал тело и душу.

Ян вскоре вернулся и радостно сообщил, что нашёл повозку – даже с мягким верхом, и палящее солнце путникам не угрожало. Усевшись на твёрдом, просиженном и засаленном пуфе, привязанном к скамье, фриз раскурил свою трубку.

— Сегодня наша задача – добраться до Порт-Магона. По береговой дороге это около пятнадцати миль, так что к вечеру прибудем.

Повозка уже приближалась к окраине деревни, когда её остановил патруль. Двое английских солдат и офицер с подчёркнуто скучающим видом двинулись к Яну. Жак заметил, что у

одного из солдат взведён замок на ружьё. Холодный страх пробежал по коже – оружия не было вообще никакого. Француз почувствовал себя буквально голым перед «красными мундирами».

— *Сэр, простите за беспокойство!* — офицер обратился к Яну, по костюму и внешнему виду поняв, кто в повозке главный. — *Кто вы, и куда направляетесь?*

— *Доброго дня, офицер!* – Ян внезапно начал говорить на английском с диким акцентом, и полез в сумку за каким-то свёртком. — *Иван Иванович Брарин, купец из Российской империи. С благоволения Его Величества императора Павла был интендантом при эскадре Фёдора Фёдоровича Ушакова, сейчас договариваюсь о поставках продуктов на торговый корабль в Порт-Магоне.*

Офицер морщился на акцент, как от скрежета мокрого пальца по стеклу. Открыв свиток, англичанин долго и вдумчиво читал «подорожную», посматривая то на Яна, то на Жака.

— *А ваш спутник?*

— *Гришка. Мой слуга. Языкам не обучен, нас не понимает.*

— *Всего доброго, сэр. Простите, ложная тревога. На вас указали как на французских шпионов.*

— *Vot chert, spalilsya!* — Ян хлопнул себя по колену.

— *Что, сэр? Простите, я не понимаю по-русски...*

— *Офицер, это же оскорбление русского дворянина! Кто этот мерзавец?*

Взгляд офицера ненадолго задержался на Жаке.

— *Не могу вам сообщить, сэр. Прошу простить.*

Ян поджал губы, но кивнул.

— *Trogaí, zar-r-r-raza!* — Крикнул он вознице. — *Боже, храни короля Георга!*

Англичане отдали честь.

Когда повозка отошла на приличное расстояние, Ян снова закурил трубку. Лицо его было угрюмым.

— Мсье Жак, — Ян смотрел куда-то вперёд. — Скорее всего, впереди нас ждёт засада. Я не знаю, насколько всё плохо, но плохо. Нас кто-то сдал.

Ваном посмотрел на старика-возницу.

— Нет, Эстебан с нами. Он дядя Каталины. Сами понимаете, у него тоже счёты к островитянам.

Старик обернулся, и улыбнулся кривой щербатой усмешкой, от которой Жаку стало немного не по себе.

Пару часов они ехали в молчании. Миновав деревушку Орт де Сант-Диего, повозка въехала в лес. Спина Эстебана напряглась, и старик сделал непонятный жест рукой – постучал по лавке, будто звал присесть на козлы рядом с собой. Ян и Жак привстали.

По грунтовой дороге навстречу шли трое. «Красный мундир», вчерашний здоровяк из «Le Requin», Мигель. Испанец что-то шептал англичанину, глядя на повозку.

За ними шла Каталина. Её руки были туго связаны, верёвка от узла тянулась к рукам англичанина. На скуле набухал кровоподтёк.

— *Yob tvoiu...*

— *Господа, остановитесь, именем короля!* — Англичанин взял ружьё на изготовку. Повозка остановилась.

— *Сэр, radi boga, что случилось?* — Ян спрыгнул с повозки. Солдат навёл на него ружьё, но Брарен миролюбиво развёл руки в стороны. — *Мы можем чем-то помочь вам? Вам нужна наша повозка?*

Солдат ненадолго сбился и глянул на Мигеля. Тот кивнул. Краем глаза Жак заметил, как Эстебан тянет вниз дорожный плащ, лежащий на тюке рядом с козлами возницы. Жак встал и посмотрел на «красного мундира». Тот дёрнул ружьём в его сторону, но, увидев, что обритый налысо «слуга» безоружен, снова навёл дуло на Яна.

— *Мне придётся задержать вас, сэр, и сопроводить в Меркададь. Эта женщина подозревается в измене, и вас и вашего спутника нужно будет допросить – этой ночью вы были с ней.*

— *О, конечно, сэр! В Форнельсе нам тоже говорили о каком-то недоразумении! Думаю, случилась какая-то ошибка, и мы с радостью ответим на вопросы вашего начальства...*

Солдат чуть опустил ствол.

Из-под плаща Эстебана, неумолимо ползущего вниз со скамьи, показалось дуло с небольшим раструбом.

Жак сделал плавное движение – солдат не успел даже дёрнуться. Мушкетон[3], прислонённый к козлам, оказался в руках француза. Щелчок – замок взведён. Ещё один – кремёнь бьёт по огниву, шипит порох на полке...

Каталина падает на землю, солдат медленно поворачивает дуло ружья. Эстебан закрывает уши, Мигель открывает рот... Жак успел заметить это всё за ту половину секунды, что прошла между ударом кремёня и грохотом выстрела.

Отдачей француза качнуло назад, и он выпал из повозки как мешок свёклы.

Тут же вскочив и ругнувшись – дуло обожгло запястье – Жак выдернул из цевья шомпол и бросился к месту, где уже слышались пыхтение и сопение.

На земле лежала Каталина и душила Мигеля верёвкой, на которой её до этого вели. Руки здоровяка держали Ян и Эстебан. Солдат лежал рядом, весь в крови. Пуля вырвала у него кусок шеи, и «красный мундир» скончался буквально за секунды.

Мигель дёрнулся ещё пару раз и затих. Каталина всё стягивала и стягивала верёвку.

— *Всё, Ката, всё...* — Эстебан положил ей руку на сжатый кулачок. — *Он готов.*

Каталина резко отпустила верёвку, и начала стряхивать узел с рук. Дядя помог ей, и девушка села на землю, зарывав. Слезы мешались с кровью англичанина, мелкими крапинками покрывшей её лицо.

Раздался ещё один выстрел. Жак дёрнулся – но увидел ружьё солдата в руках Яна. Фриз прострелил труп Мигеля колено, раздробив его. С довольно деловитым видом «Лошадиное лицо» вложил ружьё Эстебана в руки покойного англичанина. Скептически осмотрев композицию, Ян оглянулся.

— *Эстебан, друг мой. Помогите повесить этого дурака на вон том суку,* — Ян вытер попавшую на руку кровь. — *Сделаем вид, что Мигель пристрелил солдата, но тот успел его ранить, и раненый здоровяк выбрал лёгкую смерть. Простите, Эстебан, но ваш мушкетон придётся оставить здесь.*

— *Я всё равно собирался продать его перед отплытием, дон Хуан,* — возница взял верёвку и начал вязать узел. — *В Барселоне он вряд ли мне пригодится.*

Пока старик и фриз «вешали» Мигеля, Жак и Каталина молча смотрели на них.

— *I tak soidet...* — выдохнул Ян. — А вы не перестаёте меня удивлять, мсье Жак. Хорошая реакция, и очень меткий выстрел.

Каталина умылась водой из фляги своего дяди. Молча они сели в повозку.

— *Каталина, с таким синяком ты не сможешь выполнить моё задание,* — Ян снова заговорил, когда они тронулись. — *Так что заселяешься в номер, и ждёшь, когда мы купим корабль. Как только появляется судно, мы грузим на него припасы и выходим в море. Нам повезло. Засады нет.*

Ян достал трубку, набил её табаком и прикурил. Жак с удивлением заметил, что руки у фриза затряслись только после первой затяжки.

[1]Крейсерский рейд, крейсерство — в парусную эпоху: самостоятельное плавание военного корабля или капера для захвата вражеских торговых судов, разведки и нарушения

коммуникаций противника. Корабли, отправленные в крейсерство, действовали в одиночку или малыми группами, без привязки к эскадре.

[2] **Корвет** — трёхмачтовое парусное судно, меньше фрегата. Имел одну открытую оружейную палубу. Использовался для разведки, посыльной службы и крейсерства. Термин французский, в Англии данный тип корабля называли «**плюп**».

[3] **Мушкетон** — короткоствольное ружьё с раструбом ствола. Могло стрелять как пулями, так и дробью.

Глава 5

— Если хочешь что-то спрятать, положи на самое видное место, — выпустив струйку дыма, сказал Ян. — Если нас и будут искать, то точно не там, где на каждом шагу англичане.

В Порт-Магон повозка въехала через четверть часа после заката.

При въезде в город стражники в красных мундирах бегло осмотрели тележку, в которой Эстебан вёз яйца и овощи, и глянули на подорожную на непонятном языке. Махнув левой рукой, сжимая в правой мелочь «на пиво добрым джентльменам», солдаты пропустили тележку.

Эстебан вёз их по узкой, крутой улочке. Тусклый свет из окон домов, да небольшой масляный фонарь в руках Эстебана – вот и всё, что освещало спуск к морю. После очередного поворота группа свернула в совсем тёмный проулок.

— Так, — Ян вытряхнул трубку, — расселяемся в две соседние таверны. Их хозяйки постоянно скандалят между собой и пытаются увести друг у друга клиентов, поэтому на их сплетни никто не обратит внимания. Эстебан, вы с Каталиной селитесь в «Изабеллу» как муж и жена. Изобразите ревнивого и сурового супруга, дайте племяннице пару затрещин – пусть синяк на лице будет оправдан.

Ян надвинул капюшон на девушку. Кровоподтёк на её скуле уже превратился в довольно большую гематому, глаз над нею заплыл. Узнать болтливую девушку из таверны было крайне сложно.

— Мсье Жак, вам придётся изобразить моего слугу. Надеюсь, вы понимаете необходимость маскировки, и у вас достаточно мудрости и смирения для этого небольшого спектакля.

Жак, который только что хотел возмутиться, кивнул.

Эстебан и Каталина вошли в указанную таверну.

— Пойдёмте, мсье Жак. Завтра будет трудный день.

Хозяйка второй таверны, смуглая седая старуха, по виду и возрасту напоминавшая сбегавшую от Торквемады ведьму, при виде прилично одетого фриза начала приторно лебезить. Ян кинул ей дополнительную монету «за вежливость», и прошёл за стол. Жак двинулся было за ним – но нарвался на холодный взгляд светло-голубых глаз. Опомнившись, француз подхватил дорожную сумку и понёс её в номер.

Мальчишка, провожавший его до двери, был явно не рад наличию у «русского купца» собственного слуги и отсутствию чаевых, и весь недолгий путь недовольно сопел что-то себе под нос.

Вернувшись в зал, Жак поискал Яна. Тот сидел за отдельным столиком в углу и спокойно ужинал, поедая странное рагу из рыбы.

— Можешь взять себе пива, — фриз снисходительно бросил Жаку монетку.

Кипя от злости, Жак подошёл к стойке. Старая карга посмотрела на него с неприязнью и налила в глиняную кружку какую-то дрянь, отдалённо пахнущую солодом и хмелем.

— А почему неполная?

Старуха разразилась руганью и попыталась перетянуть Жака тряпкой. Увернувшись от удара, француз тут же врезался в постояльца. Сначала Жак подумал, что врезался в стену – настолько твёрдым ему показался этот человек. Невысокого роста, он напоминал если не скалу, то булыжник. Коротко стриженные седые волосы неаккуратным ёжиком торчали на голове. Жёсткие черты лица – острые скулы, впалые щёки, узкая челюсть, острый подбородок и небольшие, глубоко сидящие зелёные глаза прекрасно дополнялись переломанным, кривым сплюснутым носом. Просто одетый, он казался скорее бандитом или разбойником – но что-то заставило Жака усомниться в этом впечатлении. Впервые порадовавшись своей роли слуги, француз поклонился и отошёл с пути постояльца.

Тот улыбнулся, демонстрируя несколько дыр в частоколе кривых жёлтых зубов, взял со стойки поднос и пошёл вверх по лестнице.

— Правильное решение, друг мой, — прошептал Ян. — Не ломайте игру, не привлекайте внимания. И уж тем более не стоит ссориться с этим человеком.

— Кто он? — Жак отпил глоток пива и поперхнулся. На вкус эта дрянь была ещё хуже, чем на вид и запах.

— Не так это важно, — Ян говорил так тихо, что француз его еле слышал. — У каждого в этой игре своя роль.

Пиво воняло просто невыносимо, но француз продолжал играть роль слуги, привыкшего к таким помоям. Допив мерзкое пойло, Жак молча дождался, когда Ян скурит свою чёртову трубку, и как верный слуга поднялся с ним в комнату.

Закрыв дверь, Ян тут же достал небольшой свёрток из-за пазухи.

— Поешьте, друг мой. Кармелита хоть и старая мерзкая дура, но её пироги – одни из лучших в Порт-Магоне.

В свёртке лежал кусок ещё тёплого мясного пирога. Тканью, в которую был завернут пирог, оказался платок Яна.

После короткого ужина Жак уснул почти мгновенно.

Утро выдалось солнечным и ярким. Жак, продолжая играть роль слуги, принёс в номер завтрак – омлет с овощами и пару кусков хлеба. После скромной трапезы фриз и француз вышли на улицу. Ян тут же повёл Жака в соседнюю таверну, «Изабеллу». Несмотря на ранний час, зал был забит людьми. В большинстве своём это были моряки – чуть шаткая походка выдавала их профессию. О чём моряки говорили между собой, понять было сложно. Судя по внешности, это были северяне.

Эстебан уже сидел в зале.

— Доброе утро, дон Хуан, — мужчина приподнял стакан с вином. — Пойдёмте, осмотрите мою строптивую жёнушку...

Поднявшись в номер, Эстебан закрыл дверь на засов.

— Дон Хуан, мсье Жак, — чуть поклонилась Каталина, стрельнув глазами на француз. — Доброе утро. Ночью мы перенесли ваши вещи из повозки, как вы велели. Эти люди, что живут в таверне, пытались нам помочь, но мы отказались.

— Ваша осторожность похвальна, — Ян тепло улыбнулся. — Но они абсолютно безопасны. Это русские моряки, которые ждали нашего прибытия. — Ян, будто наслаждаясь удивлением Эстебана и Каталины, улыбнулся. — Поверьте, для вас нет более безопасного места, чем «Изабелла». Вещей, принесённых из телеги, оказалось не так много: сумка, тряпичный свёрток и небольшой сундучок. Ян нетерпеливо развернул упакованные тряпки.

— Мсье Жак, это вам.

В свёртке оказался добротный кафтан тёмно-зелёного сукна, белая рубаха и белые брюки, кожаные туфли и небольшая шляпа. В отдельном футляре лежал белый парик с косицей и буклями.

— Мсье Жак, это штатная одежда русского чиновника. Переодевайтесь, хватит вам играть моего слугу.

Под советы и наставления Яна об особенностях русской формы, француз переоделся. Одежда оказалась на удивление простой в пошиве и из очень качественной ткани.

— Конечно, одежда не совсем по размеру, да и волосы мы вам зря срезали полностью... — Ян критично осмотрел Жака. — Но ничего. Не страшно. *Volosi ne zubi, otrastyt*.

— Ян, вы постоянно говорите какую-то тарабарщину! — приличный внешний вид придал Жаку уверенности. — Порой мне кажется, что вы меня оскорбляете, пользуясь моим незнанием этого чудовищного языка!

— *Vot syka, ymnik chertov!* Нет, мсье Жак, не оскорбляю, — Ян улыбнулся. — Эта фраза переводится как «волосы не зубы, они вырастут». А эту «тарабарщину» вам придётся выучить – на службе русскому императору не знать его родной язык было бы странно. И пожалуйста, наденьте этот парик. Выглядит отвратно, но это необходимость.

Фриз повернулся к Каталине и Эстебану.

— Оставайтесь в таверне, играйте свои роли. Дон Эстебан, не продавайте повозку – это будет подозрительно. Не думаю, что за нами кто-то следит, но всё же пусть кажется, будто Вы планируете вернуться.

Утренний Порт-Магон значительно отличался от ночного. Вечерний бриз сменился штилем и перестал уносить запахи в море. В воздухе витал запах смолы, идущий от кораблей. Он щедро сдабривался ароматом свежего хлеба из таверн, чуть уловимым запахом фруктов, которые с утра приносили на прилавки и кухни. Но всё это разнообразие лишь оттеняло резкий запах свежевыловленной рыбы и тины, выброшенной на берег. Вместо ночной тишины город был наполнен типичными портовыми звуками – руганью грузчиков, скрипом верёвок и балок, плеском вёсел и волн. И снова руганью на самых разных языках.

Жак с улыбкой вдохнул портовый запах, и посмотрел на бухту, и осознал, что соскучился по морю и кораблям.

— Господи, как же я хочу туда...

— Хотите? — Ян стоял рядом. Жак засмутился своего порыва при внезапном свидетеле. — Если хотите, то пойдёмте.

У пирсов загружались и разгружались торговые бриги и голеты. В море уходили рыболовецкие тартаны и трабаколло[1].

Вдалеке виднелись черно-жёлтые громадины линкоров британского королевского флота. Жак ощутил трепет при виде боевых кораблей – но вскоре трепет сменился на досаду. К одному из пирсов был пришвартован «Женерё» – 74х пушечный линейный корабль, совсем недавно ходивший под французским флагом. На корабле были сняты стены[2] и реи, видны были следы покрасочных и ремонтных работ. Некогда грозный корабль теперь принадлежал врагу.

— Мсье Жак, нам нужно дойти вон до того пирса, — Ян указал тростью в сторону, где у берега стояли корабли без флагов. — Молю вас, молчите. Внешне отличить вас от русского чиновника сложно, но говорить по-русски, вести себя как русский или хотя бы не как француз вы пока не можете.

Жак лишь коротко кивнул.

У пирса стояла разношёрстная толпа. По одежде и внешнему виду в этих людях легко можно было узнать матросов – одежда из парусины, обветренные лица, чуть расставленные, как на палубе, ноги. Поговору в толпе явно были испанцы, французы, пара ирландцев – но больше всего было русских. Их странный язык Жак уже научился узнавать на слух. Отдельной группой стояли, видимо, офицеры. Они были одеты в ту или иную вариацию зелёных кафтанов, шапки-двууголки и такие же, как у Жака, идиотские парики.

Среди офицеров особенно выделялись двое. Первым оказался тот крепыш, в которого Жак вчера врезался в таверне. Второй был выше, и явно старше по званию. Крепкий, при этом довольно сухопарый мужчина в темно-зелёном мундире был похож на вырубленное топором из тёмного дерева изваяние. Высокий, он имел скорее жилистое, чем богатырское телосложение. Широкие костистые плечи, длинные руки с крупными суставами и ладонями, больше похожими на лопаты. Лицо его тоже не отличалось утончённостью – крупный, искривлённый после перелома нос казался клювом хищной птицы. Тяжёлый квадратный подбородок, массивная челюсть и впалые щёки усиливали ощущение худобы. Лицо, обветренное и загорелое, резко контрастировало с белым напудренным париком, который выглядел на этом русском так же нелепо, как попона на собаке. С тёмного от солнца и ветра лица, из-под густых угольно-чёрных бровей смотрели небольшие, широко посаженные светлые глаза. Сложно было понять

их оттенков – светло-серый или светло-голубой. Холодный как лёд и острый как бритва взгляд этих глаз скользнул по Жаку и перешёл на Яна. Тонкие губы чуть дёрнулись.

— Мсье Жак, этот человек – капитан-лейтенант Игнат Алексеевич Горюнов, — прошептал Ян. — Рядом с ним его денщик, Степан. Вы вчера столкнулись с ним. Один из лучших кулачных бойцов в Балтийском флоте.

Жак машинально поклонился старшему по званию, и с уважением посмотрел на его сопровождающего.

Русский капитан двинулся навстречу. Его движения были резкими и экономными, будто он рассчитывал трату своих сил – или опасался, что ненароком что-то заденет и сломает. Капитан и фриз поприветствовали друг друга, и заговорили что-то на своём языке. Жак делал вид, что слушает и понимает их, чуть улыбаясь. После обмена любезностями и краткой беседы Ян повернулся к Жаку.

— Roidyom, — сказал фриз и поманил рукой.

Трое русских и ничего не понимающий француз шли вдоль пирсов. Русский капитан прихрамывал, опираясь на трость, но шаги его при этом были широкими, размашистыми.

Корабли стояли пришвартованные к пирсам и друг к другу. Один был явно устаревшим фрегатом, видимо, испанским, и Жак его скорее отправил бы на слом, чем в море. Вторым был бомбардирским бригом[3] с пустующим местом под мортиру[4]. Неподаляку стоял корвет – но на нём явно велись какие-то работы – видимо, новые владельцы готовили судно к выходу в море. К шагающей вдоль пирса четвёрке спешил невысокий, круглый человечек. За ним размеренным шагом шёл мальчишка с табуреткой и бледный старик. Чернильные пятна на руках выдавали в старике писаря.

— *Господа, вы же купцы из Московии?* — Кругляш с надеждой смотрел на троицу.

— *Не Московии, а Российской Империи. А вы, как я понимаю, пришли показать нам корабли, выставленные на продажу?* — Ян учтиво поклонился. — *Сэр Томас Майлстон? Я Ян ван Брарен, голландец на русской службе. Этот джентльмен – Игнат Горюнов, русский отставной офицер, собирающийся открыть небольшое торговое предприятие. Найдётся ли у вас в продаже, сэр Томас, парочка не включённых в Королевский Флот судёнышек?*

Толстячок широко улыбнулся. Жак улыбнулся уголком губ – он хотя бы начал понимать, кто и о чём говорит, пусть вместо нормального языка он и слышал английский лай.

— *Я не имею рыцарского звания, герр Ян. Может, сначала выпьем чаю?*

— *Увы, сэр Томас,* — Ян настойчиво продолжал величать англичанина «сэром». — *Русские дворяне не любят церемонии и предпочитают сразу переходить к делу.*

— *О да, я понимаю,* — англичанин не выдержал, дал знак мальчишке – тот подставил табурет и Майлстоун присел. — *Простите мою грубость, герр Ян – больные ноги. Старость не щадит никого! Скажите, а они нас понимают?*

«Никого не щадит пудинг на сале и эль» — с улыбкой подумал Жак.

— *Ни капли,* — ответил Ян, сложив за спиной какую-то странную фигуру из пальцев.

— *Чёртовы медведи!* — Майлстоун продолжал улыбаться. — *Герр Ян, можете ли вы помочь продать им пару лоханей, пока они не пошли ко дну? Я в долгу не останусь...*

— *Увы, сэр Томас, они бывшие моряки, и разбираются в кораблях.*

— *Да скорее я увижу Деву Марию, чем эти дикари отличат хорошее судно от гнилого!*

— *Хотите пари?* — В голосе Яна зазвенел тот лёд, что Жак уже научился узнавать. — *Если они сами выберут хорошие корабли, вы не будете торговаться и сбудете их по цене, назначенной в документах.*

Толстячок хитро прищурился.

— *А если они выберут гнилые, но красивые лоханки?*

— *Тогда я помогу вам их обсчитать и не возьму свою долю.*

— *По рукам! Что они ищут?*

— *Два военных судна для переоборудования в транспорты.*

— *Хотят переделать военные в транспортники?.. Логично. Скорость и качество. Но сами понимаете, военные суда стоят дороже.*

Томас Майлстон с кряхтением и не без помощи мальчишки и писаря встал и покатился, а точнее пошёл к свежевыкрашенному корвету.

— *Француз, довольно новы...*

Русский капитан что-то проворчал, сплюнул под ноги и пошёл дальше, даже не задержав взгляд на пахнущем краской корвете. Ян лишь пожал плечами. Майлстоун засеменил за Игнатом.

— *Прекрасный датский флейт,[5] грузо...*

— *Ivan Ivanovitch, on nas za durakov derzhit?* — Низким, хрипловатым голосом осведомился Горюнов. Его спутник расхохотался.

— *Сэр Томас, капитан интересуется, считаете ли вы его дураком,* — Ян достал трубку, но не стал набивать её.

Русский капитан шёл дальше. Несмотря на трость и хромоту, шагал капитан очень быстро. Остановившись у пришвартованного брига, он внимательно осмотрел его. Увидев кивок Томаса, Игнат Алексеевич шагнул на сходни.

Жак остался на пирсе.

«А этот русский не дурак, хоть и выглядит страшнее чумы. Бриг-то довольно свежий, республиканской постройки. И явно взят без боя – следов ремонта нет, только краску обновили». Перейдя в тень, Жак задумчиво осматривал корабли. Русский молча ходил по кораблю, морщась от безостановочной болтовни Майлстоуна. Спустился в трюм, пошёл осматривать каюту. К Жаку подошли четверо матросов. Один попытался заговорить с ним, но француз ничего не понял. Матросы переглянулись.

— *Испанец? Француз?* — Спросил второй на испанском.

— *Русский.*

— Ну да, конечно. Как и я, — матрос перешёл на французский язык, достал короткую трубку и прикурил. — Судя по акценту, ты француз. Я сам из Булони.

Жак молчал.

— Тоже в команду к Свёкле собираешься?

— Какой Свёкле? – Жак удивлённо посмотрел на соотечественника.

— Капитан Свёкла. Который корабль выбирает.

— А почему Свёкла? За цвет лица?

Матрос усмехнулся.

— Нет, он просто очень любит свёклу. Потом поймёшь. Давно во флоте, где служил?

Жак промолчал.

— Да хватит что ль, — матрос поморщился. — Я сам бежал с флота после Дельты Нила. А теперь или в петлю, или в тюрьму к красным мундирам. Ну или к этим... О, идут.

Игнат Алексеевич вышел на пирс. Толстый англичанин с внимательным видом выслушал пару рубленых фраз на русском и обратился к Яну.

— *Герр Ян, что он сказал?*

— *Говорит, что мы покупаем этот бриг. Попросил переименовать его в «Гром».*

Тем временем Игнат Алексеевич медленно шагал дальше, осматривая корабли. Жак, не спеша, шёл за ним.

Ближе к концу мола Вандом заметил шхуну. Острые обводы, чуть отведённые назад мачты со стеньгами. Она казалась воплощением стремительности.

Француз подошёл поближе. Десять пушечных портов – не так уж много, но для небольшого приватира[6] вполне достаточно. Без квартердека и каюты, вместо штурвала румпель, но что ещё ждать от шхуны?

— Horosha, kapitan, — проскрипело за спиной. Второй русский, «камень», смотрел на француза с пониманием.

Русский капитан молча кивнул и вошёл на сходни, поманив француза за собой.

Жак, недавно ходивший на фрегате, и считавший малые суда уделом неудачников, теперь смотрел на шхуну глазами влюблённого подростка. Тот русский, который пониже, спустился в трюм. Жак осматривал мачты – свежее рангоутное дерево поставили совсем недавно.

— *Герр Ян, это судно было подобрано в шторм. Ветром поломало мачты, оно испанской постройки, возможны течи...*

— *Заткнись,* — прошептал на плохом английском Жак. — *Что сухопутная крыса может понимать в кораблях?*

Русский капитан подошёл к Жаку и хлопнул его по плечу. — *Vi pravi, moi drug. Она прекрасна,* — русский повернулся к Яну. — *Beriom.*

Ян стоял с улыбкой.

— *Сэр Томас, они берут и эту шхуну. Тоннажа для нашего предприятия хватит,* — Ян всё же начал набивать трубку, кидая недовольные взгляды на Жака.

— *Этот русский, он же понимает меня!* — Майлстоун растерянно посмотрел на Жака.

— *Ох эти дикие русские,* — Ян выдохнул струю дыма. — *Они полны неожиданностей и довольно коварны, и так и норовят обдурить бедного честного клерка, правда? Но это юноша – не русский. Он финн.*

— *Финн? Никогда их не видел...*

— *Они черноволосы и вообще похожи на французов,* — без стыда врал Брарен. — *Да и язык схож с французским.*

— *Вот оно как...* — англичанин с ещё большим любопытством посмотрел на Жака.

— *Именно так. А остальные офицеры и правда русские,* — Ян снова выдохнул дымок. — *Заметьте, они выбрали прекрасные корабли, сэр Томас. Я жду от вас честной цены.*

— *Герр Ян, вы же разорите меня!*

— *Разве вам не платят жалование? Или ваше слово ничего не стоит?..*

Англичанин сплюнул на палубу, вызвав осуждающие взгляды троих моряков.

— *Быть, по-вашему, герр Ян. Не зря лорд Нельсон так не любит этих дикарей – от них не знаешь, чего ждать!* — Толстяк вздохнул. — *Пойдёмте в портовое управление, подпишем документы. Что там бормочет этот странный русский?*

Игнат Алексеевич, абсолютно не слушая их разговор, провёл рукой по планширю, будто глядя по бедру любимую женщину.

— *Zlaya, suchka...*

— *Что этот русский там говорит?* — спросил Майлстоун, обернувшись.

Ян улыбнулся и выпустил облачко дыма.

— *Называет корабль «злой сучкой». Хвалит по-русски.*

— *Дикари...*

Томас, Ян и Горюнов ушли в портовое управление, а несколько матросов отправились в таверну. Жак стоял с довольно отрешённым видом и смотрел в море. Моряки, общаясь на смеси русского, французского и испанского, сдабривая половину слов жестами для пушей убедительности, тащили на бриг вещи из таверны.

Жак обратил внимание на бриг, стоящий неподалёку от нового «Грома». Не похожий на типичные канонерские бриги, это судно несло четырнадцать орудий – довольно неплохо для брига, хотя Вандому уже доводилось видеть более вооружённые британские двухмачтовики. Но больше всего француза удивил не корпус и вооружение судна, а его рангоут. Вместо стандартных небольших стеньг на бриг устанавливали здоровенные рангоутные деревья. Подойдя к этому чуду инженерной мысли, Жак уставился на работу моряков.

— Ну ещё и вы скажите мне, что я занимаюсь ерундой! — С палубы на Жака смотрел довольно высокий мужчина. Рыжеватые короткие волосы были растрёпаны, карие глаза задорно и с вызовом смотрели на француза. — Вы понимаете меня?

— Понимаю, — Жак улыбнулся странному англичанину.

— О, так вы француз? А почему в русском мундире?

— Моя семья бежала в Россию после Революции.

— И теперь вы воюете против Республики? — англичанин рассмеялся. — Тяжёлая у вас судьба, мой друг – воевать против своей же страны, да ещё и в русском флоте. Но они хороши, хороши. Один их Ушаков чего стоит. Белли тоже талантлив, но он всё же шотландец, как и я...

Жак смотрел на заведённый к стенам сдвоенный такелаж.

— Интересное решение, сэр, — Жак запоминал необычную оснастку судна. — Пусть не слишком красиво, зато надёжно.

— Спасибо! — Шотландец вновь улыбнулся. — Надеюсь, стены от «Женерё» и увеличенные паруса заставят это убогое корыто соответствовать названию...

Из портового управления вышли Ян и Игнат. Кивком фриз позвал Жака за собой.

— Был рад общению, сэр, — Жак поклонился. — Доброго дня.

Ян, Жак и Игнат поднялись на борт «Грома», и русский капитан тут же позвал их в каюту.

— Мсье Жак, я надеюсь, что вы скоро выучите русский язык, — Ян достал трубку, но нарвался на холодный взгляд Горюнова и убрал её обратно. — А пока что мне придётся поработать переводчиком.

Игнат Алексеевич долго и внимательно смотрел на Жака.

— Это и правда тот, кто пустил ко дну «Стэг»?

— Он самый, ваше превосходительство. Жак Вандом, бывший лейтенант французского флота.

— Не знаю ни его, ни его фамилию, — Игнат Алексеевич пробуравил взглядом француза. — Но кому важна знатность или фамилия, если он может топить врага?

Жак не понимал, о чём они говорят, и это его знатно подбешивало.

Степан, тот самый денщик капитана, напоминающий камень, выставил на стол чернильницу, положил подготовленное перо и дал лист бумаги.

— Итак, юноша, — обратился Игнат к Жаку с помощью Яна. — Иван Иванович Вам уже объяснил, в чём наша задача и что от нас требует Его Императорское Величество. Не буду ходить вокруг да около. Вы здесь, значит, вы согласны служить Его Императорскому Величеству, пусть и таким способом.

— Согласен... сэр.

— Мсье Жак, в России нет «сэра» или «герра», — вставил от себя Ян. — Сейчас вам достаточно просто обращаться к Игнату Алексеевичу по званию.

— Согласен, капитан.

— Тогда, Иван Иванович, прочтите текст присяги нашему другу, — Капитан встал. — Степан, Прошка – разверните знамя. На палубе нельзя, и без присяги нельзя. Будет vikruchivat'sya.

Денщик и кто-то из младших офицеров развернули флаг. Белый, с косым синим крестом – Жак его хорошо помнил. Игнат Алексеевич взял в руки книгу – видимо, Святое Писание.

Взявшись рукой за угол знамени, Жак повторил слова за Яном. — Я, Жак Вандом, обещаю и клянусь Всемогущим Богом пред святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству моему всемилостивейшему Государю императору Павлу Петровичу, Самодержцу, верно и нелицемерно служить и во всём повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови. Да поможет мне в этом Господь Бог Всемогущий! Игнат Алексеевич подошёл к Жаку.

— *На русской службе принято носить русское имя,* — Горюнов задумчиво посмотрел на Яна.

— *Жак... Жак, Джейкоб... Это же Яков!* — Подсказал Ян, постоянно переводивший своё имя то как Хуан, то как Иван.

— *А отчество? По царю-батюшке дадим?*

— *Конечно.*

— *Служи верно России и Павлу Петровичу, Яков Павлович Вандом! От имени императора нашего, Павла Петровича, я принимаю твою присягу и назначаю тебя капитан-лейтенантом русского флота.*

Игнат Алексеевич потянулся к бумагам на столе.

— *Ну, и слушай моё первое поручение. Собираешь себе тех, кто на французском говорит, и берёшь их под свою команду. Тебя назначаю командиром ихуны... Иван Иванович, что за «Perra Malvada»? Ты ихуну же вроде «Сван», то есть «Лебедь» называли.*

Ян взял документы, внимательно прочитал и расхохотался.

— *Капитан, вы же назвали её «Злой сучкой»! Вот они и переименовали, но на местный манер, по-испански.*

Игнат смотрел на Яна, на Жака, на документы.

— Blyat'![7]

[1]**Трабакколо** — тип средиземноморского торгового судна с двумя мачтами и латинскими (косыми) парусами. Использовалось для каботажного плавания и рыболовства. Отличалось хорошей манёвренностью и способностью ходить в крутых к ветру курсах.

[2]**Стеньга** — рангоутное дерево, служащее продолжением мачты вверх. Позволяет увеличить высоту парусов и улучшить ходовые качества корабля.

[3]**Бомбардирский бриг** — тип двухмачтового военного корабля, вооружённого крупнокалиберными мортирами (одной-двумя) для обстрела береговых укреплений. Имел усиленный корпус для выдерживания отдачи. В начале XIX века активно использовался британским и французским флотами.

[4]**Мортира** — короткоствольное артиллерийское орудие крупного калибра, предназначенное для навесной стрельбы. Устанавливалось на специальном станке (мортирном лафете) и использовалось для обстрела береговых укреплений и кораблей, стоящих на рейде.

[5]**Флейт** — тип грузового парусного судна, распространённый в Нидерландах и других странах Северной Европы. Имел характерную грушевидную форму корпуса (узкая палуба, широкие трюмы) и высокую манёвренность. Использовался для торговли и военных перевозок.

[6]**Приватир** — английский термин для капера или корсара. В отличие от пирата, приватир действовал на основании лицензии (каперского свидетельства), выдаваемой правительством.

[7] Французское слово **Blette** (Свёкла) созвучно с нашим русским ругательством, прозвучавшим в этой сцене

Глава 6

«1 октября 1800 года, Порт-Магон, Менорка.

Не знаю, с чего начать. Никогда не вёл дневник.

Пятый день, как под моё командование капитан Свёкла отдал шхуну «Perra Malvada». Экипаж в основном состоит из французов и испанцев – Ян и Капитан считают, что мне так будет проще управлять этим сбродом. Есть среди них и опытные – как тот же Люсьен, чудом спасшийся с «Ориента» [1] и бежавший с флота. Не найдя себя в мирной жизни, он решил рискнуть и поддался на уговоры Георгиоса и вступил в наше странное предприятие...»

Жак отложил перо. «Господи, до чего я докатился. Жалуюсь в дневник!» — мелькнуло у него в голове. За тонкой занавеской что-то грохнулось на пол.

— Аккуратнее с бочками, дурни! — Жак сдвинул ткань, и сурово (как он думал) взглянул на матросов, собирающих сухари в открывшийся бочонок.

Одёрнув ткань, Жак снова взялся за перо.

«Порой мне кажется, что Горюнов специально отправил ко мне самых глупых и безнадёжных матросов из своей команды.

Итак, Люсьен. Его история в той или иной мере может охарактеризовать всех моих матросов. Неприкаянные, не нашедшие себя в мирной жизни – или просто бегущие от неё.

Кроме них в штате есть пожилой ирландец и наглый грек. Конор, кок и цирюльник по совместительству – добрейшая душа. Как его занесло на борт «Злой сучки» — не понимаю, как и то, как судьба занесла ирландца в Порт-Магон.

Георгиос Блематис – грек с захваченного русскими острова Коркира [2], мой боцман. Азартный, любит играть в кости и карты, наглый и больше похожий на османа, чем на потомка эллинов. Один глаз у Георгиоса отсутствует – говорит, вырвали турки.

Сложнее всего с морскими пехотинцами. Эти двадцать русских не понимают никакого языка кроме своего, и общаться с ними приходится через Георгиоса. Грек с акцентом говорит на французском, чуть лучше – на русском. Ян говорил, что мне надо учить русский...»

Занавеска отодвинулась, и в закуток вошёл невысокий мальчишка лет тринадцати. Курчавые чёрные волосы спадали на лоб, из-под мокрых прядей на Жака смотрели вечно сердитые тёмные глаза. Тонкий выдающийся нос и торчащие вперёд крупные зубы резко выделялись на худом смуглом угловатом лице.

— Чего тебе?

Мальчишка прикрыл одной рукой глаз и показал наверх.

— Понял, — Жак убедился, что чернила засохли на бумаге, и закрыл книжечку, ставшую его дневником.

Поднявшись по трапу, француз чуть прищурился от яркого солнца. На палубу как раз поднимались Игнат Алексеевич и Ян.

— Моё почтение, Яков Павлович! — улыбнулся фриз. Жак не сразу понял, что обращаются к нему. — Как ваши успехи в изучении русского языка? Usvoili hot' chto-to?

— Net, — ответил Жак, с удовольствием глядя на вытянувшееся от удивления лицо Брарена. — Я не понял, что вы спросили, но выучил несколько слов на русском языке – в основном, чтобы останавливать ваших абордажников.

— Хорошо, мсье Жак, учите, — Ян повернулся к Игнату, перекинулся с ним парой фраз и снова обратился к Жаку. — Когда вы будете готовы выйти в море?

— К вечеру. Осталось догрузить всего одну телегу припасов.

— Прекрасно, — фриз снова перекинулся парой фраз с Игнатом. — Мсье Жак, на закате нужно отбуксировать шхуну на ближний рейд, а на рассвете выходим в открытое море.

Не дождавшись ответа и поклонившись, Ян и Свёкла сошли на берег.

Развернувшись, Жак чуть не сшиб мальчишку.

— Да чтоб тебя! — ругнулся француз. — Ты чего подкрадываешься?

Тёмные глаза на худом лице мальчика дрогнули. Торчащий кадык дёрнулся, и мальчик убежал на нос корабля. «Ну вот, — огорчился француз. — Испугал мальчугана. Он же не понимает, что я наорал с перепугу».

Жак спустился на нижнюю палубу. От камбуза уже пахло чем-то вкусным — за несколько дней Жак по достоинству оценил готовку Конора, и уже с нетерпением ждал обед.

Пройдя на корму, француз с тоской посмотрел на запёртую дверь. Там, за единственной деревянной перегородкой на палубе, располагалась его каюта. Сдвинув занавески, Жак снова сел на гамак, зажёл свечу и продолжил писать в дневник.

«Ещё стараниями Свёклы у меня появился слуга. Или, как его называют в России, «den'shik». Какой-то мальчишка, смуглый как араб и худой, как жертва неурожая. Ян сказал, что Игнат подобрал его где-то во время похода. Малец явно не первый раз на корабле, не дурак — но постоянно молчит и всего боится. Мы даже имени его не знаем — зовём Брэз [3]. Не знаю, зачем его подсунили мне. Но куда деваться — старший по званию попросил...»

Жак отложил перо. Писать не хотелось. Занавеска отодвинулась, и Брэз поставил на бочонок деревянную тарелку с крупно рубленными тушёными картофелем, луком и кусочками мяса. Несмотря на простоту пищи, она оказалась на удивление вкусной и сытной. К этому рагу мальчишка принёс стакан эля и ушёл обедать к остальным матросам.

Доев рагу, Жак снова поднялся на палубу.

Георгиос, по своему обычаю, обедал на палубе вместе с абордажниками. Одноглазый грек что-то рассказывал под общий хохот солдат. Заметив Жака, он и русские, согласно уставу, начали подниматься.

— Net, stoi, net! — Жак попытался объяснить на русском. — Не вставайте, друзья.

Морпехи благодарно кивнули и продолжили трапезу. Мимо шхуны к пирсу два баркаса буксировали бриг с огромными стенами, привлёкший внимание Жака в день покупки шхуны. По квартердеку нервно вышагивал рыжий британец и что-то оживлённо объяснял какому-то младшему офицеру. Заметив Жака, он приподнял шляпу.

— *Доброго дня, сэр!* — британский командер натянуто улыбнулся. — *Всё никак не подберу подходящий калибр для своего старичка! Даже девятифунтовки не проходят в эти порты.*

— *Сэр, вы слишком строги к своему прекрасному бригу!*

— *Увы!* — Рыжий шотландец развёл руками. — *Весь бортовой зал этого судна может поместиться в мои карманы!*

— *Крепкие же у вас карманы, сэр!*

Бриг уже почти прошёл мимо. Разговорчивый шотландец поклонился и продолжил что-то объяснять своему офицеру. Жак сел на принесённый мальчишкой табурет и открыл сигнальную книгу русского флота: для взаимодействия кораблей нужно было изучить систему передачи сообщений флажками.

Примерно за час до заката на палубу в сопровождении здорового матроса поднялся Ян Брарен. В одной матрос держал новомодный саквояж. Два тубуса из вощёной кожи были зажаты под второй рукой.

— Яков Павлович, это Олег, мой денщик. Если вы не против, я отправлю нескольких абордажников за своими вещами в таверну.

Не дожидаясь ответа, фриз что-то сказал русским морским пехотинцам. Четверо из них не спеша поднялись и сошли на берег.

По-хозяйски Ян спустился на нижнюю палубу, бросил пару слов Георгиосу и Олегу. Денщик тут же сложил вещи и ушёл за греком.

Ян достал трубку и принялся набивать её табаком.

— Мсье Жак, надеюсь, у вас не возникает проблем с командой и морскими пехотинцами, — Ян подошёл к печи на камбузе, поздоровался с Конором и взял у ирландца щипцы. Ловким движением он выхватил уголёк из печки, положил его в трубку и начал раскуривать табак, выпуская облачка ароматного дыма. — Мсье Жак, что-то случилось? Француз молча взял чарку и набрал в неё немного воды.

— Ivan Ivanovitch, или Ян, или хоть сам дьявол... — Жак внимательно посмотрел в глаза Яну. — Будь вы хоть дипломатом, хоть министром, хоть самым царём. Запомните. На этом корабле команду я.

Жак спокойным движением поднял чарку и вылил воду на трубку. Уголёк жалобно пшикнул, а Ян, который в этот момент попытался затынуться, закашлялся.

— Что вы...

— Молчать! — Жак сжал ручку чарки так, что на руке вздулись вены. — Ещё раз вы попытаетесь приказывать моим людям без моего согласия – ваш путь продолжится в трюме.

— Да ты...

Француз зачерпнул ещё воды и плеснул в лицо Яну.

— Я сказал молчать! — Жак демонстративно зачерпнул воду в третий раз. — Командир корабля – я. Вы на нём – пассажир. А хотите покурить – идите на нос, к специально отведённой бочке! Всё понятно?

Ян сжал губы и посмотрел в глаза Жаку. Олег, держащий в руках парусину для занавесок и два гамака, откровенно враждебно смотрел на Жака. Взгляд единственного глаза Георгиоса, стоящего позади денщика, был скорее настороженным.

Молчание было недолгим, и спустя пару секунд фриз поклонился.

— Прошу прощения, Яков Павлович. Виноват.

Вытряхнув мокрый табак из трубки в печь, Ян обратился к ирландцу.

— *Конор, позвольте просушить трубку в вашей печи?* — повар кивнул. — *Благодарю!*

Жак выпил воду из чарки, положил её на место и поднялся по трапу на открытую палубу. Следом за ним припустил Георгиос.

— Капитан, зачем так? Иван хороший человек!

— Боцман, вы оспариваете мои действия?

— Нет, капитан, — грек улыбнулся щербатой улыбкой, больше похожей на оскал. — Я учусь у начальства.

«Хитрожопый, сволочь» — подумал Жак, но улыбнулся.

— Георгиос, подумайте сами, почему я так поступил. Если поймёте – научитесь, — француз вздохнул. — Спускайте длинную шлюпку на воду. На закате нужно будет выйти на ближний рейд, и там бросим якорь.

Пока скрипели канаты на шлюпбалке, из таверны вернулись четверо абордажников. Двое из них несли огромный сундук в два ярда длиной, два фута шириной и фут глубиной. Ещё двое русских несли по небольшому сундучку, около ярда длиной. Жак знал о том, что многие офицеры и пассажиры возят с собой личные запасы и вещи, но не подозревал, что Ян такой любитель комфорта.

Солнечный диск коснулся крыш города. Георгиос спустился в шлюпку с самыми крепкими матросами. Швартовы были отданы, и раздался первый всплеск вёсел. Водная полоска между бортом и пирсом начала увеличиваться.

Жак поймал себя на том, что улыбается, как счастливый ребёнок.

— Мсье Жак, — сзади подошёл Ян. Фриз уже переоделся в сухой костюм.

— Господин Ян, — Жак чуть поклонился. — Простите, я сегодня был слишком резок с вами.

— Вы всё сделали верно, — почти шёпотом произнёс Брарен. — Пусть и резко, но верно. На этом корабле командир вы, а я позволил себе лишнего, забыв, что вы больше не спасённый висельник, а высшая власть на этой шхуне.

Долговязый блондин протянул Жаку свою костлявую ладонь. Жак, не совсем понимая, что от него требуется, пожал руку фриза.

— Русский обычай, мсье Жак. Помирились – пожали руки, — Ян улыбнулся. — Кстати, ваш поступок положительно сказался на вашей репутации. Матросы увидели, кто здесь капитан.

Какое-то время моряк и дипломат смотрели на удаляющийся берег.

— Скажите, Ян, — прервал молчание Жак. — Куда мы двинемся? Вашими стараниями на корабле запасов на довольно дальний переход.

— О, кстати! — Ян хотел уже что-то крикнуть Георгиосу, но вовремя остановился. — Яков Павлович, на некоторых бочонках есть надпись «Fornells», быстро начертанная углём. Прикажите убрать их подальше от камбуза, и извлечь продукты с верхнего слоя укладки. Поверьте, британскому пороху не стоит стоять рядом с печью.

Жак быстро спустился на нижнюю палубу и отдал соответствующие распоряжения. В бочонках действительно лежал зернистый чёрный порох.

Поднявшись на опержек, Жак обнаружил Яна стоящим у бочки на носу корабля. Фриз невозмутимо курил свою трубку.

— Откуда вы взяли столько пороха?

— Ох, Яков Павлович, вы не представляете, насколько коррумпирован британский флот! — фриз выдохнул облачко дыма. Жак заметил, что этот табак пахнет явно приятнее того, что был раньше. — Думаю, если бы британским морякам предложили продать медную обшивку их кораблей, их бы интересовали только два вопроса: «сколько листов вам нужно?» и «сколько вы готовы заплатить?». Я купил его у тоже же Томаса Майлстоуна.

— Скажите мне, где нет казнокрадов и взяточников – и я скажу, что вы плохо искали, — горько усмехнулся Жак. — Но зачем нам столько пороха, да ещё и британского? У нас будут проблемы со снабжением?

— Надеюсь, что проблем не будет, — чуть напрягся Ян. — А почему я купил британский порох... Мсье Жак, как показывает опыт, британский порох немного лучше французского. А в нашем деле важна любая мелочь – даже лишние десять футов дальности выстрела.

— Выстрела из вот этого? – Жак указал на трёхфунтовые пушки. — Их всего четыре. По две на борт, мистер Брарен! Максимум, на что их хватит – напугать катер или шлюпку, но никак не на полноценный бой с такой же шхуной! Сегодня днём один британец жаловался мне, что может унести в карманах весь бортовой залп – так я постыдился ему говорить, что я залп с обоих бортов могу удержать в своих руках!

— Не стоит расстраиваться, мсье Жак, — Ян ухмыльнулся. — В Барселоне – а идём мы в Барселону – мы перевооружим и вашу шхуну, и «Гром» капитана Горюнова. А теперь простите, мне нужно поспать.

Фриз вытряхнул пепел в бочку с морской водой, и, поклонившись, ушёл вниз.

Когда шхуна отошла на достаточное расстояние, Жак дал команду прекратить буксировку. Якорь был сброшен в воду, шлюпочная команда поднялась на борт. Шлюпку притянули к шлюпбалкам. Жак долго смотрел через пушечный порт на ночной город, в котором потихоньку гасли огни. Когда дежурный первой вахты отбил три склянки и в очередной раз перевернул полчасовые часы, Жак спустился на нижнюю палубу. Пройдя мимо спящих матросов и жестикуюлируя «не вставайте» тем, кто не спал, француз подошёл к занавеске своего закутка. На нижнем гамаке, свернувшись клубком, спал Брэз. Посмотрев на дверь каюты и вздохнув, Жак забрался в свой гамак и уснул.

Проснулся Жак незадолго до семи склянок второй вахты, то есть около половины восьмого утра. Растолкав испугавшегося Брэза, француз оделся, протёр водой глаза и поднялся на палубу. Небо на востоке уже алело.

Матросы при виде командира вставали и кланялись ему, здороваясь на французском, испанском и русском языках.

Неугомонный фриз уже нетерпеливо вышагивал по палубе.

— Доброе утро, Яков Павлович!

— Доброе, господин Брарен! — Жак поправил чёртов парик. На бриге «Гром», стоящем примерно в одном кабельтове от «Perra Malvada», подняли сигнал.

— Поднять якорь! Готовь фок! Следовать за бригом в двух кабельтовых!

Когда якорь был выбран, а парус на передней мачте наполнился ветром, шхуна медленно пошла вперёд. Вслед за бригом на буксире шёл небольшой катер – порт предоставил лоцмана «русским купцам» для спокойного выхода в море.

Около десяти утра «Гром» и «Perra Malvada» вышли из бухты. В подзорную трубу Жак наблюдал, как лоцман спускается в катер, и отплывает в сторону стоящих на внешнем рейде двух ост-индцев. Рассмотрев сигнал на бриге, француз скомандовал держать курс на юго-юго-восток.

— Что, так и подмывает поднять все паруса и посмотреть, на что способна ваша «Злая Сучка»? — к Жаку подошёл Ян.

— Вот вы вроде не моряк, — с удивлением посмотрел на Брарена молодой француз, — но понимаете меня так, будто сами командовали судном.

— Я слишком много провёл времени с моряками, мсье Жак, — Брарен расстегнул свой камзол. — Кстати. Снимите этот чёртов парик, теперь он совсем необязателен.

Жак с удовольствием избавился от надоевшего напудренного парика, явив солнцу бритую голову, на которой уже появились точки выступающих чёрных волос. Фриз что-то сказал своему молчаливому денщику, и тот отправился на нижнюю палубу.

— Ваш денщик вас хоть понимает, — с завистью сказал Жак. — Зачем вы повесили на меня этого мальчишку? Неужели его некуда было девать?

— Некуда, — Ян посерьёзnel. — Матрос, что приютил его, умер от гангрены. Игнат Алексеевич слишком добр к детям – и боялся, что просто избалует юнца.

— Да уж. И вы с ним не придумали ничего лучше, чем отдать парня мне в денщики, — горько заметил Жак. — Сначала приютили беднягу, а потом поняли, что не знаете, как с ним быть – и отдали тому, кто не может отказать. Прекрасный ход!

Ян хотел что-то возразить, но в этот момент по трапу с нижней палубы поднялись двое.

— Господи, наконец-то свежий воздух! — Каталина улыбалась так, будто вышла из тюрьмы. — Дон Жак, спасибо за предоставленную каюту! У вас очень мягкая кровать!

— Рад, что вам удобно, донья Каталина, — «Надеюсь, скоро я высажу тебя на берег и сам посплю в своей каюте». — Всего ли у вас хватает?

— Да, дядя Эстебан заботился обо мне все эти дни.

Эстебан, одетый как простой матрос, поклонился Жаку и Яну.

— Дон Жак, дон Хуан, спасибо вам! Мы и не думали, что всё пройдёт так гладко!

Жак коротко кивнул в ответ, и перевёл взгляд на палубу. Матросы тут же перестали глазеть на непонятно откуда взявшуюся молодую женщину, и вернулись к делам. Каталину привели на борт в первую же ночь, замаскировав под дряхлого больного старика, и запретили команде подходить к каюте, сославшись на страшную кишечную инфекцию у старого пассажира. Видя, что матросы перестали глазеть на девушку, Жак любезно улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.